

Кирилл
АЗАНЦЕВ

ОБОРОТНИ В ЗАКОНЕ

**Я НЕ КИЛЛЕР,
Я — ПАЛАЧ**

Оборотни в законе

Кирилл Казанцев

Я не киллер, я – палач

«ЭКСМО»

2012

Казанцев К.

Я не киллер, я – палач / К. Казанцев — «Эксмо»,
2012 — (Оборотни в законе)

ISBN 978-5-699-57372-1

После смерти мужа остались у Матрены Петровны две дочки – Стелла и Белла. Время шло, и вот уже взрослые дочери помогают матери вести дела в придорожном кафе. Дела идут неплохо, жизнь улыбается... Но однажды остановились в кафе трое очень влиятельных столичных чиновников. Приглянулась им Белла, надругались они над ней – и убили. Улик против преступников море, но они без труда вышли сухими из воды. Тогда, проглотив слезы, несломленная и ожесточенная Стелла едет в Москву. Ее цель – воздать мерзавцам по заслугам. А для достижения цели, как известно, все средства хороши...

ISBN 978-5-699-57372-1

© Казанцев К., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	22
Глава 4	31
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Кирилл Казанцев

Я не киллер, я – палач

Глава 1

Наверное, эта история могла бы начаться так: жила-была одна вдова с двумя взрослыми дочерьми. Жили они в маленькой придорожной деревушке, которая называлась Матрёнино. Деревня эта потерялась в глуши российской глубинки, впрочем, не совсем уж и потерялась: она находилась, да и сейчас еще находится на дороге, ведущей в известный город, областной центр, до которого, хоть и далековато, но добраться вполне реально. В Матрёнино всего-то два с небольшим десятка дворов, и живут в них в основном старики, не имеющие возможности сбежать куда-нибудь от нищеты и безработицы. Последние годы деревня держалась тем, что кормила проезжающих мимо нее водителей-дальнобойщиков. Кто молочка парного нальет в найденную здесь же при дороге пластиковую бутылку из-под газированной воды, разумеется, тщательно вымытую; кто пирожков напечет со своей картошечкой да мясом; кто чая горячего сообразит заварить к этим пирожкам, а кто и яичек сварит вкрутую. Летом и осенью жители продавали яблоки и вареную кукурузу со своих садов-огородов, так что проезжавшей мимо шоферне было ради чего остановиться возле крохотной деревеньки. Перекусив в тени придорожных вязов на лавочках, заботливо сколоченных бывшим конюхом дедом Григорием, и намусорив рядом с ними как следует, водители отправлялись себе дальше.

Но вернемся к нашей вдове. Звали ее Матрена Петровна, и жила она, как мы уже сказали, с двумя взрослыми дочками. Потерявшая несколько лет назад мужа (пьяный Дмитрий перевернулся на тракторе над обрывом реки и упал вместе с ним в воду), женщина одна понимала дочерей, днем работала в единственном в деревне магазинчике продавцом, уборщицей и дворником, а по вечерам копошилась на своем огороде.

Однажды какой-то предприниматель, проезжавший мимо Матрёнино по делам, перекусив пирожками и парным молочком, купленным у бабушек, решил, что деревне просто до зарезу необходимо кафе. Сделав нехитрый расчет, он пришел к выводу, что количества проезжавшей через деревню шоферни вполне должно было хватить, чтобы кормить и его как хозяина, и пару женщин – работниц кафе. И буквально через месяц в заброшенной деревянной избе появились рабочие. Они оторвали от забитых окон и двери доски, отреставрировали избу, покрыли бревна лаком, содрали старую потрескавшуюся крышу из позеленевшего шифера, взамен сделав новую из зеленой металлочерепицы, примастрячили новое крыльцо взамен сгнившего старого, завезли столы, скамьи, холодильники и барную стойку, и в скором времени в деревне начало работать кафе, которое хозяин назвал почему-то «У тети Моти». То ли в честь деревни Матрёнино, то ли потому, что поваром и официанткой там начала работать бывшая продавщица магазина Матрена Петровна. Дочки ее – Белла и Стелла – стали ее незаменимыми помощницами. Втроем они тащили на себе весь этот воз – пекли пирожки, варили щи по-домашнему, так как хозяин решил, что в придорожной забегаловке обязательно должно быть горячее на обед, делали картофельное пюре и жарили котлеты не пополам с хлебом, а из мяса да еще с лучком и чесночком. Летом и в начале осени к столу всегда был салат из свежих овощей и зелени, а зимой – из бочковой квашеной капусты с лучком, грибочками и постным маслом. Семейный подряд из трех женщин поддерживал в кафе приличную чистоту, сестры стояли у плиты и раковины, драя до блеска посуду, по вечерам мыли в кафе полы и стирали скатерти и полотенца.

Но то ли расчет хозяина относительно проходимости транспорта через деревню оказался не верным, то ли еще почему-то, но кафе приносило очень уж маленькую прибыль.

Промучившись с ним года полтора и поняв, что хороший навар с этой придорожной забегаловки все равно не получишь, хозяин решил продать его и предложил Матрене Петровне выкупить у него свое детище за чисто символическую плату. Женщина, до того никогда не имевшая своего предприятия, вдруг загорелась желанием стать собственником. Поломав с неделю голову над проблемой «купить – не купить», она, наконец, махнула рукой и, сказав: «Авось да повезет!», достала из чулка все свои сбережения, продала корову и всех поросят в придачу. Назанимав у соседей недостающую часть денег, она таки выкупила у хозяина кафе. Тот, обрадованный, что руки его наконец-то развязаны, посадил новоявленного предпринимателя в свою машину и отвез в город, где и были оформлены все необходимые для купли-продажи документы. Таким образом, Матрена Петровна в пятьдесят с лишним лет неожиданно-негаданно стала владельцем ООО и вместе с дочерьми принялась раскручивать теперь уже собственное предприятие.

С новыми заботами пришли и новые проблемы. Все три женщины крутились в кафе с утра до вечера, обслуживая посетителей, которых кормили от души, понимая, что те, в свою очередь, кормят их самих. Заведение работало практически круглосуточно, разве что только после часу ночи уже не находилось желающих перекусить, и кафе закрывали до девяти утра. Но все равно Матрена Петровна оставалась в нем, чтобы убраться и подготовить помещение к утреннему открытию. Так что бедной женщине приходилось пахать едва ли не круглосуточно. Бывало, что посетители стучались в двери и после часа ночи, да и в половине седьмого утра, если кому-то из ночевавших прямо в кабинах большегрузов водителей вдруг взбрело в голову позавтракать перед дорогой домашней стряпней.

Да, это тоже было одной из проблем – ночующие возле кафе дальнбойщики. Как правило, три-четыре машины всегда оставались в деревне на ночь. И, чтобы не платить старушкам «пятихатку» за ночлег, они предпочитали спать прямо в своих кабинах. Злые языки поговаривали, что тому была еще одна немаловажная причина. Дело в том, что, переделав все дела в кафе, старшая сестра Стелла шла не домой, чтобы отдохнуть от дневных трудов, а запрыгивала к дальнбойщикам в кабины и, за отдельную плату, разумеется, оказывала им услуги несколько иного, чем в кафе, рода, и нетрудно догадаться, какого именно. Поговаривали даже, что именно поэтому сестер Беллу и Стеллу с легкой руки бравой шоферни прозвали в деревне Белкой и Стрелкой. Сравнение с собачьими самками было выбрано неспроста: все знают, каким неблагозвучным словом называют сих тварей.

Но, справедливости ради, надо сказать, что младшую сестру молва приплела к такой неблагоприятной деятельности совершенно напрасно: семнадцатилетняя девушка никоим образом не была причастна к похождениям старшей сестры. Просто люди, видевшие, как Стелла залезала в кабины к дальнбойщикам, рассудили довольно примитивно: раз старшая занимается этим делом, так, стало быть, и младшая тоже. Они ведь сестры – одного, значит, поля ягоды!

Но Белла была абсолютно не такой, как ее сестра. Довольно тихая и скромная девушка, она любила читать и читала в основном про любовь. В своей крохотной, «два на три», комнатке, она часто засыпала под утро над книгой, восхищаясь какой-нибудь историей о романтических отношениях героев. «Если бы меня тоже так любили! – думала девушка с замиранием сердца. – Если бы мне тоже бросали букеты цветов на балкон с записками с признанием в любви...»

Но она тут же спохватывалась, вспоминая, что никакого балкона в их одноэтажном доме не было и быть не могло, и тогда она соглашалась, чтобы букеты бросали хотя бы в окно ее комнаты. Но и в окно цветы не летели по той простой причине, что молодых людей ее возраста в их деревне попросту не было. Ни одного, даже мало-мальски завалящего. Белла вздыхала и поневоле начинала приглядываться к молодым водителям, которые обедали в кафе ее матери. Но те, хотя тоже посматривали на миловидную сероглазую девушку с пышным русым хвостом

волос, почему-то не задавались вопросом романтических отношений, и букеты с записками с признанием в любви в ее окно не бросали. Правда, некоторые из них осмеливались намекать ей на встречу поздним вечером в кабине машины либо в ближайшем лесочке, но Белла с возмущением отвергала такие непристойные предложения, прекрасно понимая, для чего именно ее туда приглашают.

Водители усмехались и не особо и настаивали: не хочешь – не надо, найдем ту, которая окажется посговорчивей. Делов-то!

Такой сговорчивой была Стелла, старшая сестра. Не вдаваясь особо в философские рассуждения о любви и морали, девушка с легкостью запрыгивала в кабины фур, скрашивая дорожный неустроенный быт дальнбойщиков.

Матрена Петровна, конечно же, догадывалась о «левом» заработке дочери, но упорно делала вид, что ничего не замечает. Скорее всего, ей просто было так удобно: зато девчонка не кланчила у нее денег на косметику и колготки, ведь доход с кафе оставлял желать лучшего. А может, она понимала, что, хотя ее девочки и были собой очень даже ничего, но в деревне, где напрочь отсутствовали представители сильного пола моложе пятидесяти двух лет, им все равно ничего не светило. Последний парень, пришедший домой из армии года три назад, тут же сбежал в город искать работу. Матрена Петровна была рада, что хоть ее дочки не рванули туда же, иначе она осталась бы совсем одна на старости лет в разваливающемся доме да еще с хозяйством и злосчастным кафе в придачу. Нет, она была совсем даже не против переехать в город, но только всем вместе, одной семьей.

На этом предысторию, пожалуй, можно считать завершенной. Случившееся страшное событие, перечеркнувшее беспокойную жизнь всей этой маленькой женской семьи, всколыхнуло также и размеренную жизнь придорожной деревушки.

* * *

Летнее утро того ужасного дня началось, как обычно. В половине седьмого Матрена Петровна пришла в свое кафе, и практически тут же в дверь постучались водители. Она налила им горячего чая, пожарила яичницу с колбасой и нарезала бутербродов с сыром и огурцами. Этих двух водителей она знала – пожилой степенный Василий, говоривший всегда негромко и вежливо, и его более молодой, немного суетливый напарник Серега останавливались у нее регулярно пару раз за месяц. Мужчины поели, расплатились с хозяйкой и, попрощавшись, вышли из помещения, а Матрена Петровна убрала за ними со стола и принялась чистить картошку. Надо было уже готовиться к обеду: наварить щей, каши и компота, нажарить котлет и пирожков, намыть овощей для салата.

В десять часов в кафе заявила Стелла. Двадцатидвухлетняя темно-русая большеглазая дылда, внешностью она пошла в отца – сухопарого высокого тракториста, сводившего в молодости с ума всех девчонок в округе. Но характер девчонке достался мамкин – боевой – никому спуску не даст. Стелла молча надела фартук, достала из погреба большой вилоч, вымыла его в тазу и принялась шинковать на большой доске.

– А Белла что, все спит? – недовольно спросила мать, чистившая ножом морковь.

– Обещала к половине одиннадцатого подгрести, – неохотно ответила дочь, ловко орудуя большим ножом. В тазике понемногу росла гора мелко нашинкованной беленькой капусты.

– К половине одиннадцатого! – проворчала Матрена, вытирая руки о фартук и доставая из буфета две чашки. – Соня... С ленцой у нас Белка, ох, с ленцой. Все бы ей дрыхнуть да книжки по ночам читать...

Она включила чайник и достала из холодильника литровую банку с маслом, купленным у соседки бабы Нюры, – она жила одна и держала корову. Излишки молока регулярно продавала Матрене, а та делала из него сливки, масло, сметану и творог.

– Давай чаю, что ли, попьем, доча, я ведь еще не завтракала.

– А Катерина хлеба принесла?

– А то как же! Еще в восемь. Свеженький, горячий, прямо из печи! Я десять буханок взяла...

– Вот Катька молодец, такой хлеб печет! Обьеденье! – Стелла села к столу, отрезала от большого румяного хлеба кусок – корочку, самый смак, намазала его взятым ложкой из банки маслом и принялась пить чай.

– И вы могли бы печь, сэкономиили бы на этом. Чего у Катьки хлеб покупать? – проворчала по обыкновению мать, тоже принимаясь за свой бутерброд.

– Да ладно тебе, ма! Разве все самим можно сделать?! Это ж сдохнешь!..

– Не сдохнешь. Пораньше вставать надо.

– Ма, ну не ворчи! И так из этого кафе не вылезаем...

– Это вы-то не вылезаете? Это я из него не вылезаю! Скоро брошу вот здесь на полу старую родительскую перину и буду на ней спать, чтобы домой вовсе не ходить, время зря не терять...

Стелла покосилась на мать: она страшно не любила, когда та ворчала, хотя за собой порой тоже замечала такую же черту.

– А зачем тогда покупала это свое кафе? Работала бы и работала себе на хозяина!

– И что мы тогда получали?! Вспомни! Все то же самое и делали, только гроши за это имели, слава богу, что с голоду не сдохли! А сейчас хоть какую-никакую копейку зарабатываем. Вот раскрутим кафе, накопим много денег, продадим все это к чертовой матери – и кафе, и дом – и уедем в город жить.

– Ага! И что ты в городе будешь делать? Милостыню на вокзале просить? – усмехнулась Стелла.

– Зачем милостыню? Доча, ты чего говоришь? Мы перво-наперво в городе квартиру купим. Потом устроимся все на работу...

– Ма, ну ты даешь! Нет, мы-то с Белкой, может, и устроимся, молодые руки везде требуются, и в кафе официантками, и в магазин продавщицами... А тебя, извини, только в уборщицы возьмут.

– А что? Я и в уборщицы пойду, лишь бы в городе жить. Вон у нас в деревне все уже туда сбежали, кто еще бегать может. Одно старичье трухлявое осталось век доживать. А вам, молодым, надо в городе жить, женихов себе искать. Что вы здесь делать будете? Ни одного мужика вокруг на сто верст! Вы бы с Беллой в городе замуж повыходили, а я бы ваших деток нянчила, по выходным ходили бы друг к другу в гости: одни выходные – ты с мужем к сестре, другие выходные – она со своим мужем к тебе. И я бы к вам ходила, пирогов бы вам носила, мы все вместе чай бы пили, а детки ваши вместе играли бы. Так и жили бы мы все дружно и хорошо!

Стелла снова покосилась на мать. Почему ей кажется, что в городе жить так распрекрасно? Что там полно работы, за которую очень хорошо платят, что женихов там тоже – толпы на каждом шагу, и все непьющие, да с квартирами и с хорошей работой в придачу? Наверное, потому, что за последние двадцать лет никто из молодых, уехав в город, не вернулся назад. Старики умирали, и деревня постепенно уменьшалась. Брошенных пустых домов становилось все больше. Мужики от тоски и безысходности жутко пили, только женщины еще как-то держались, благодаря работе на огородах да на скотных дворах...

– В городе свои проблемы будут, – со знанием дела рассудила девушка, – квартиры там стоят дорого, так что вряд ли мы сможем ее купить. В лучшем случае, комнату в коммуналке.

– Да пусть хоть комнату! Лишь бы в городе зацепиться!

– Ага! И жить втроем в одной комнате?! Здесь хоть у нас у каждой своя комнатенка...

– А что же теперь, так и пропадать здесь?

– Зачем пропадать? Надо по одному в город перебираться.

– По одному – это как? – с подозрением в голосе уточнила мать.

– Сначала в город поеду я. Найду там работу...

– А мы, значит, одни с Белкой здесь останемся?! Нет, доча, с ней я кафе не вытяну, она спать больно любит.

– А если продать здесь все, нам с Белкой купить в городе комнатку, а тебе поехать жить к тете Вере в Сарафаново? Вот и будем жить – я с сестрой и ты со своей сестрой.

– Это что же, значит, я буду без вас? – с обидой в голосе спросила Матрена.

– Ма, ну почему без нас? Когда мы найдем работу или замуж выйдем и переедем к мужьям, ты приедешь в эту нашу купленную комнату и будешь там жить. А мы будем к тебе в гости приходить, а потом – ты к нам...

Матрена с подозрением смотрела на дочь. Что-то не нравилось ей такое предложение, она даже не могла объяснить, почему, просто не нравилось, и все!

– Давай щи готовить, обед скоро, – проворчала она, – мясо из кастрюли вынимай, готово, поди...

Женщина встала, поправила косынку на голове и проверила тесто, стоявшее в огромном тазу на табурете.

– Подошло... Я начинаю пирожки печь, а ты щами занимайся.

В этот момент в кафе зашла Белла. Девушка была пониже сестры, и вся такая хорошенькая и миленькая. В противовес сестре, внешностью она пошла в мать, а вот характером – в отца: такая же задумчивая и мечтательная. Матрена частенько ругала ее за это. «Все ворон считаешь?! Поменьше мечтай, побольше дел делай! Так оно лучше будет», – поучала она дочь. Белла не перечила матери, как Стелла, но и меняться не менялась.

– Ой, не девка, а кисейная барышня какая-то, – ворчала порой Матрена раздраженно.

– Мам, а кто такая кисельная барышня? – спросила как-то Белла. – Это, которая любит кисель?

– Не кисельная, а кисейная, – поправила Матрена и задумалась. – А шут ее знает, что это такое – кисейная барышня. Я где-то случайно услышала, кажется, в каком-то сериале...

– Так, может, это ругательное слово?

– Может, и ругательное, только ты другого не заслуживаешь...

Белла зашла в кафе и сразу кинулась к тесту:

– Смотрите: подошло. Давайте я сегодня пирожки напеку!

– Я буду печь! – отрезала мать. – Ты вон овощей намой для салата. Помидоры и огурцы в погребе, лук – в ведре. А петрушку и салат на грядках за домом нарвешь. Я за зеленью еще не ходила, хотела, чтоб посвежей была... Стелла! Скоро ты с капустой закончишь? Долго возишься...

– Началось! – проворчала старшая, совсем, как мать. – Ща закончу, не доставай только!

– Тебя достанешь! Белла! Ты все еще здесь? А ну быстро в погреб за огурцами!..

Женщины, ворча и тихо огрызаясь друг на друга, делали свое дело, когда в дверь кафе зашел водитель.

– Хозяева! Кормить будете?

Матрена подхватила и бросилась к посетителю в обеденный зал:

– Будем, как не покормить?! Здрасьте... Есть вчерашние щи и яичница.

– Давай порцию щей. И яичницу тоже давай! А салатика не найдется?

– Как не найдется? Есть и салатик! Очень вкусный – огуречки, помидорки, зелень... Белла! Один салат!.. Вам, мужчина, с чем салатик: с постным маслицем или деревенской сметанкой? Со сметанкой? Очень хорошо! Сметанка свежая, не кислая, я сама готовлю. Вы пока руки помойте – вон у нас при входе умывальник. Там и мыло, и бумажные полотенца... Что, кстати, пить будете – компот или чай? Компот очень хороший из свежих яблок и малины...

Обслуживать посетителей всегда старалась Матрена. У нее это лучше получалось, чем у девчонок. Она была вся такая дородная, домашняя, в чистом белом переднике и косынке, под которой виднелись чуть тронутые сединой русые густые волосы. Глядя на ее румяные – кровь с молоком – щеки, так и тянуло отведать и ее шей, и яичницы из деревенских яиц, и всего остального, что она предлагала. Она самолично поставила разогреть в маленькой кастрюльке вчерашние щи, которых осталось совсем немного, потом перелила их в глубокую тарелку, положила ложку сметаны, посыпала сверху зеленью и понесла на подносе в обеденный зал посетителю. Белла тут же порезала салат и тоже поставила перед посетителем на стол, а Стелла уже дожаривала яичницу. Одним словом, клиента обслужили быстро, и он, довольный, ловко орудовал ложкой.

Подшло предобеденное время, когда в кафе понемногу начинали заходить посетители. Это означало, что готовить все, что не доготовили, теперь придется одним девчонкам, а мать будет заниматься в зале с посетителями. Стелла разрешила сестре лепить пирожки, а сама принялась крутить мясо на мясорубке. Белла ловко делала свое дело, время от времени посматривая на сестру, как будто хотела ее о чем-то спросить, но как-то не решалась. Наконец, она не выдержала и, оглянувшись с опаской на открытую в обеденный зал дверь, тихо сказала:

– Стелла, а можно тебя кое о чем спросить?

Старшая сестра усмехнулась:

– Смотря о чем. А то могу и не ответить. Или так ответить, что и спрашивать расхочешь.

– Стелла, ну я серьезно...

– И я не шучу. Ну, ладно, спрашивай, я сегодня добрая.

– Стелла, я вчера поздно вечером видела, как ты садилась в машину к какому-то водителю...

– И что с того? – усмехнулась девушка, продолжая с усердием крутить ручку мясорубки.

– А зачем ты к нему садилась?

– Тебя не спросила! – с вызовом бросила сестра.

Белла уложила пирожки на два противня и засунула их в заранее разогретую духовку большой плиты. Потом она проверила температуру на термометре, вытерла руки о кухонное полотенце и села напротив сестры. Та бросила на нее быстрый и недовольный взгляд.

– Стелла, я серьезно... Зачем ты это делаешь? – тихо и грустно спросила Белла.

– Что это?

– Ты понимаешь, о чем я...

– Слушай, сестренка! Давай вон лучше зелени впрок наруби, чего расселась? Переработала, что ли? Время – к обеду, сейчас народ пойдет, только успевай поворачиваться.

Разговаривать с сестренкой Стелле, как видно, вовсе не хотелось. Она продолжала усердно крутить ручку мясорубки, подкладывая в жерло все новые куски мяса.

– Ты это из-за Андрея, да? – все так же тихо спросила Белла.

– Слушай, ты... Ты мне не поп, и я тебе исповедоваться не собираюсь! – довольно громко крикнула Стелла. В голосе ее слышалось раздражение.

– Ну, чего ты так? Я же только спросила... – виновато проговорила Белла.

– А нечего и спрашивать! – снова крикнула сестра.

В это время в кухню зашла Матрена и замахнулась на дочек полотенцем:

– Тише вы, заразы! – зашипела она. – Там же все слышно! Люди в зале! Дома поругаться не можете?! Белла, нарежь еще салата, народ подошел...

Матрена выплыла из кухни, изобразив на лице радушную улыбку для посетителей, а Белла принялась стругать намытые овощи в большое блюдо.

– Стелла, ты только не обижайся и не кричи, ладно? – снова тихо заговорила она. – Я матери ничего не скажу, правда...

– А мне-то что! Можешь говорить, – усмехнулась сестра с деланным равнодушием.

– Нет, ты что?! Я – могила! Только ты скажи: ты к водителям садишься ночью в кабины за... этим?

– За чем за этим? – сделала наивное лицо Стелла.

– Ну, ты что, не понимаешь?

– Нет.

– Да ладно. Я что, маленькая? Я же все понимаю...

– Господи, да что ты можешь понимать?! У тебя еще понималка не выросла!

Некоторое время сестры работали молча.

– Девочки, сделайте быстро три салата, три порции шей и... что там с пирожками? – заглянула в кухню мать.

– Пирожки сейчас будут! – вскочила Белла со стула.

– ...и пирожков побольше: люди в дорогу возьмут.

Матрена скрылась в зале, а девчонки принялись строгать салат и разливать только что сваренные щи по тарелкам. Белла не стала больше донимать Стеллу расспросами, она и так знала, чем занимается ее любимая сестра. Она выложила пирожки в огромный таз, накрыла его полотенцем, взяла один горячий пирожок и вышла через зал на крыльцо посидеть в теньке и отдохнуть хоть немного на воздухе. В кухне было невыносимо жарко от натопленной печи и плиты. Она заметила, что в зале в это время обедали трое мужчин среднего возраста. Все они были очень хорошо одеты, по всему видно, люди не бедные. У всех аккуратные прически, не то, что у шоферюг. Лица холеные, гладко выбритые, майки светлые, на шее – золотые цепи. Бросив на посетителей быстрый взгляд, Белла вышла на крыльцо и села на самую верхнюю ступеньку. Она надкусила пирожок и принялась с аппетитом жевать его, поскольку еще не завтракала сегодня.

Возле кафе стояла крутая тачка, больше похожая на дом на колесах. Огромная, с черными стеклами, вся сверкающая на солнце чистотой и лаком. Ничего себе машинка! Сколько же такая может стоить? Стелла говорила как-то про такую же, что стоит она не то «лимон», не то два. И откуда у людей столько денег?

Минут через десять на крыльцо вышли и те трое сидевших в зале мужчин. Они держали в руках пакет с пирожками. Один ковырял во рту зубочисткой, другой вытирал бумажной салфеткой руки.

– ...А вот сейчас как раз и спросим у этой красавицы! – широко улыбнулся ослепительно белой улыбкой тот, что держал пирожки, и обратился к Белле: – Ну-ка скажи, ангелочек: где тут у вас можно найти чистый лесной уголок для отдыха и рыбалки? Только учти: местечко должно быть интимным.

Он смотрел на девушку ласково, немного насмешливо, и глаза у него были голубые и очень выразительные. На вид ему было около сорока.

– Какое местечко? – переспросила Белла.

– Интимное, интимное, – закивал голубоглазый, – то есть такое, куда больше никто, кроме нас, не заглянет.

– Понимаете, барышня, мы хотим порыбачить и поохотиться, – вступил в разговор другой мужчина, тот, что ковырялся во рту зубочисткой.

Этот был широкоплечий брюнет, выглядевший чуть старше своего голубоглазого друга. Он надел соломенную шляпу с полями.

– Только мы любим это делать в уединении, – добавил с улыбкой голубоглазый, – чтобы нам никто не мешал. Или мы никому не мешали.

– Есть здесь такое место, – сказала Белла, вставая и показывая рукой вдоль дороги, – вы сейчас поезжайте в ту сторону, километров восемь проедете, будет развилка, вы сверните направо, проедете... я не знаю, сколько километров, но на машине минут пятнадцать вам езды.

Доедете до заброшенного хутора, от него километра четыре будет до пруда. Там место хорошее, тихое, и рыбачить можно, и охотиться. Там и утки есть, и рыба...

– А пруд большой?

– Большой, в нем и купаться можно. Там редко кто бывает: далековато. Только наш дядя Егор ездит туда охотиться, и то редко: у него машина на ладан дышит.

Мужчины рассмеялись.

– Спасибо, что так подробно рассказала. Только что-то уж как-то запутанно все: до развилки, после развилки... какой-то хутор заброшенный... Как мы то озеро найдем? Может, ты с нами поедешь и покажешь? – спросил голубоглазый, подмигнув брюнету в шляпе.

– Не, я не могу: мне надо на кухне работать, пирожки печь, – покачала головой девушка.

– Да ладно, работать ей надо! А нам рыбачить надо, у нас выходной! – с шутливой строгостью сказал голубоглазый. – Давай садись в машину, покажешь дорогу, а мы тебя назад привезем. Лично я доставлю тебя сюда же, на это крыльцо, пока мои товарищи удочки устанавливают. Судя по твоим словам, до пруда этого километров пятнадцать будет, ну, от силы, двадцать. Для нашей машины это не проблема, домчит за пять минут!

В это время на крыльцо вышла Стелла. Увидев, что сестра точит лясы с клиентами, она строго сказала:

– Белла, иди посуду мыть!

– Так нас Белла зовут! – обрадовался голубоглазый. – Какое божественное имя! В такой глуши...

– Это нас папа так назвал, – тут же выдала младшая сестра.

– Так это же прекрасно! Но с таким именем нельзя мыть посуду, с ним можно только жить в роскошном особняке! – театрально воскликнул голубоглазый.

– Пока особняка нет, помоем и посуду, – строго и довольно холодно отрезала Стелла, – Белка, иди, говорю, тебе еще пирожки допекать, тесто перестоит...

– Так вот кто испек такие вкусные пирожки! – обрадовался все тот же голубоглазый и повернулся к Стелле: – Я так понимаю, мадмуазель, что это – ваша младшая сестра?

– Ну, сестра, и что?

– Тогда я прошу у вас как у старшей сестры разрешения увезти вашу сестренку... ненадолго. Она только покажет нам дорогу к пруду и тут же вернется обратно!

– До пруда – почти двадцать километров! Ей по лесу до дороги почти час чапать, а потом что, на попутках обратно добираться? Нет, она не поедет. Белла!..

– Подождите, зачем на попутках?! Мы привезем ее обратно. То есть именно я отвезу вашу сестренку и доставлю прямо сюда, к крыльцу! Честное благородное слово! – голубоглазый жалобно-просительно смотрел на Стеллу.

– А еще мы обещаем на обратном пути поужинать именно у вас, – добавил брюнет в шляпе, – при условии, что опять будут такие наваристые щи и вкуснейшие пирожки.

Стелла посмотрела на третьего мужчину. Он тут же отвернулся, подошел к машине и сел в нее на переднее пассажирское сиденье. «Что-то какой-то мрачный тип», – подумала девушка, но не успела как следует осознать это, как голубоглазый вынул из кармана приличных размеров кожаный кошелек, из него – новенькую тысячную купюру и протянул Белле:

– А это, так сказать, материальная компенсация за ваше потерянное время, барышня. Так что, едем?

Он смотрел на Беллу таким открытым веселым взглядом, что девушка, в свою очередь, бросила вопросительный взгляд на сестру: как, мол, мне поступить?

Стелла стояла в растерянности. С одной стороны, ей хотелось, чтобы сестренка заработала «штуку», с другой, было боязно отпускать ее, такую беззащитную, с этими незнакомыми взрослыми дядями черт знает в какую даль. Но все за всех решил брюнет в соломенной шляпе. Он слегка подтолкнул Беллу к машине, сказал по-отечески строго-ворчливо:

– Сколько можно раздумывать?! Давно бы уже назад вернулась! Быстро поехали, некогда нам! И так сколько времени впустую потеряли! Надо к вечернему лову подготовиться...

Белла подошла вместе с ним к машине, а Стелла строго крикнула сестре:

– Только сразу назад, поняла?! Сразу!

– Да, я быстро!..

Двое мужчин и девушка сели в машину, хлопнули дверками, огромный автомобиль рванул с места, в секунды набрав большую скорость, и вскоре скрылся за бугром.

Глава 2

Прошел час. Стелла мыла посуду, мать обслуживала посетителей в обеденном зале. «Почему Белка не едет домой? – думала девушка с тревогой. – Обещала быть скоро, а сама...» Она драила противень, когда в кухню заглянула мать.

– Компота еще подлей в кувшин и хлеба нарежь... Что-то Беллы долго нет, тебе не кажется?

По тону матери Стелла поняла, что та тоже волнуется за девчонку.

– Она обещала быстро вернуться назад, – ответила Стелла, шустро нарезаая хлеб.

– Вот зря ты ее отпустила с этими...

– Да что теперь говорить-то! Понятно, что зря...

– Хозяюшка! Еще хлеба можно? – донесся из зала голос.

– Несу, несу! – Мать подхватила корзинку с нарезанным хлебом и убежала к посетителю, а Стелла поставила противень на стол на ребро, чтобы стекла вода, и села в задумчивости на стул.

Она подняла глаза на часы, висевшие на стене. Пошел второй час, как девчонка уехала. Да, мать права: не надо было отпускать ее с этими крутыми дядьками. Пусть бы сами искали дорогу к пруду, не маленькие. Приспичило им рыбачить! Помнится, последний раз они с сестрой были на этом пруду в прошлом году. Дядя Егор, их сосед, ездил туда на своем дришпаке и взял своего девятилетнего внука, который гостил в то время у деда на летних каникулах. Он и сестрам предложил прокатиться с ними за компанию, чтобы не пустую машину гонять. Потом решили еще прихватить и дядю Федю, друга дяди Егора, с восьмилетней внучкой. Так, вшестером, они и приехали на пруд, искупались все для начала, потом мужчины принялись рыбачить, а сестры с маленькой Алинкой нарвали ягод в прибрежных кустах. Когда собрались ехать обратно, машина дяди Егора отказалась заводиться, и он почти час проковырялся с ней. Его внук и дядя Федя активно помогали ему советами, несомненно, очень дельными, а девчонки, не теряя времени, нашли неподалеку от пруда поляну земляники и нарвали еще и ее. Тогда было очень весело и здорово: Белла только что окончила в райцентре школу-интернат, получила аттестат и приехала в родную деревню насовсем. Сестра так радовались, что теперь они вместе навсегда!..

Стелла вздохнула: больше мать не давала им выходных. Одной в кафе ей было не управиться, и сестры могли отдыхать лишь по очереди, и то не всегда. А как можно отдохнуть в маленькой захудалой деревеньке девчонкам?!

Ближе к вечеру, когда в кафе никого не было, мать, надраив до блеска все столы, зашла на кухню к дочери. Стелла задумчиво ела щи, уставившись в одну точку на стене.

– И мне налей, передохнем маленько, пока к ужину никто не нагрязнул. – Матрена устало опустила на стул возле стола, придвинула к себе чашку со сливками. – Чего хлеба-то не отрежешь?

Стелла налила тарелку щей, сыпанула в них ложку рубленой зелени и поставила перед матерью. Матрена сама порезала хлеб, потом взяла себе один кусок и ложку.

– Стелл, где же это наша соня, а? – она посмотрела на старшую дочь с надеждой, как будто ждала, что та сейчас скажет: да ничего страшного, ма, все в порядке, Белла вот-вот вернется.

Но девушка молчала, продолжая механически работать ложкой. Доев свою порцию, она отодвинула тарелку и решительно встала:

– Я иду к дяде Егору.

Стелла сняла фартук, бросила его на стул и направилась к выходу.

– Зачем к Егору-то? – крикнула испуганно Матрена.

– На пруд надо ехать, Белку искать!

– А я?

– А ты в кафе оставайся, не закрывать же его.

Стелла, громко хлопнув дверью, вышла на улицу.

Только через час они с дядей Егором кое-как добрались до лесного пруда. Остановив машину, оба вышли наружу и принялись осматривать берег. Да, здесь совсем недавно были люди: вон еще дымятся угли в костре, по всему видно, готовили шашлык. Трава рядом с костром была примята – здесь сидели и ходили. И следы от протектора большой машины есть, но – как странно – ни одной банки или бутылки вокруг, ни одноразовой посуды, которую так любят оставлять городские в лесу – ничего, никаких следов. А девушки и подавно!

– Может, они ее уже домой отвезли? Может, мы на дороге разминулись? – предположил дядя Егор, осматривая ближайшие кусты.

– Нет, я за дорогой следила, они нам навстречу не попадались.

Стелла тоже начала осматривать местность – берег, кусты, лощинку недалеко от пруда. В этой лощинке, прямо в траве, она нашла заколку для волос – ее заколку.

– Дядя Егор, смотри! – в панике, в жутком предчувствии прибежала Стелла к машине.

– Это что, Белкина? Эх, ё-моё! Как же это, а?..

– Дядя Егор!..

– Тогда вот что, девонька: едем к участковому в Смирновку! Садись, садись скорее в машину...

Только на другой день труп Беллы был найден в пруду. Участковый откуда-то привез на место происшествия водолаза, и тот, обследовав дно, вынес на поверхность тело девушки, к одной ноге которой был привязан большой камень. На Белле была разорвана одежда, в ее распущенных волосах запуталась водная растительность. Стелла, увидев сестру, закричала не своим голосом. Она бросилась к Белле, которую положили на песок, пыталась закрыть ее обнаженную грудь лоскутами порванной одежды.

– Стелла! Возьми себя в руки! – Участковый попытался оттащить старшую сестру от трупа, но та кричала и била его по рукам.

Наконец девушку кое-как удалось успокоить, если можно так сказать, потому что даже усаженная поодаль на траву, она продолжала рыдать и до крови кусать себе кулаки, которыми закрывала себе рот. Участковый, водолаз и помощник участкового, молодой практикант из школы полиции, уложили труп в большой черный пакет, который погрузили в свой «уазик». Они повезли его в Смирновку, в морг при больнице, а Стелла поехала туда на машине дяди Егора.

На другой день им с матерью была выдана справка о смерти Беллы, в которой говорилось, что девушка была изнасилована, потом задушена и только потом утоплена в пруду.

Хоронила ее вся деревня – около сорока человек, да еще родня приехала из других деревень и из города. Мать шла за гробом, ведомая с двух сторон своей старшей дочерью и своей сестрой Верой, кричала дурным голосом и висла у них на руках. Шедшие за ней двоюродная сестра, брат и родственники мужа поддерживали Матрену, как могли, но в основном тоже все рыдали в голос. Мужчины украдкой вытирали глаза, отворачивали хмурые лица.

На кладбище гроб поставили на скамейки рядом с вырытой могилой. Рядом была могила отца погибшей – Дмитрия Матвеева. Почерневший от времени деревянный крест над осевшим холмиком, выплывший венок и ржавая ограда...

– Митя! Митя! – закричала Матрена и потянулась руками к могиле мужа. – Прости меня, окаянную! Не уберегла я нашу дочку!.. Не уберегла...

– Мама, не надо! Не надо... – Стелла еле удерживала мать.

Но Матрена словно не слышала ее. Она повернулась к стоящим вокруг односельчанам и родственникам и запричитала:

– Люди добрые! Да скажите вы мне, где же она, моя доченька?! Где моя красавица, радость моя, утешение мое на старости лет?

Женщины только сильнее разрыдались в ответ...

Беллу похоронили рядом с отцом.

– Теперь они будут вместе – отец и дочь, – сказал кто-то из родственников.

– Да, одна дочка будет там, с папкой, другая – здесь, с мамкой, – вздохнула сквозь всхлипывания тетка Лида, двоюродная сестра Дмитрия.

После похорон все отправились в кафе, где уже были накрыты поминальные столы, и две двоюродных сестры и племянницы Матрены суестились с подносами, расставляя последние тарелки и стаканы.

Стелла чувствовала, что не может притронуться ни к чему. Кто-то уговаривал ее отведать кутьи, кто-то советовал обязательно выпить рюмочку: «Оно и полегчает!..» Девушка смотрела на всех растерянно. Что они, черт возьми, хотят от нее? Какая рюмочка?! Ее сестру только что похоронили! Вот эту маленькую, мечтательную глупышку, любящую поспать и почитать книжку про любовь, вздыхающую о каком-то благородном принце, бросающем ей в окно букет цветов с запиской о любви. Милая наивная дурочка! Она смотрела на мир сквозь розовые очки и верила, что на свете есть любовь! Сама Стелла в нее не верила давно, разочаровавшись в этом чувстве благодаря некоему Андрею, симпатичному веселому водителю, в которого она, дура, влюбилась в семнадцать лет просто без памяти...

Черт! Вот только о нем сейчас не надо. В такой день не стоит даже вспоминать всяких уродов и подонков!

Стелла опрокинула рюмку водки, закусила ее кутьей – наверное, невпопад, потому что сосед по столу дядя Егор посмотрел на нее удивленно. Потом девушка встала и вышла на крыльцо, на воздух. В обеденном зале сидело столько народа, что дышать было практически невозможно, несмотря на открытые окна и дверь.

Возле крыльца в тени деревьев стояли родственники, которым не хватило места за столами. Решили покормить сначала чужих – соседей, потом уж родню. Эти свои, не обидятся. Люди на улице тихо переговаривались, качали головами. До Стеллы донеслось: «Господи! Какая молоденькая! Совсем еще ребенок. Жить бы да жить... Только школу окончила в прошлом году... Вот горе Матрене!..»

Возле кафе остановился милицейский «уазик». Из него вышел участковый Сергей Иванович, тридцатипятилетний майор, живший в соседней Смирновке, большой – не в пример Матрёнино – деревне. Он тихо поздоровался со всеми и подошел к Стелле.

– Прими мои соболезнования, – негромко сказал он, сняв фуражку и пригладив непослушные, торчащие во все стороны черные волосы.

Она только кивнула в ответ:

– Сергей Иванович, вы подождите немного, сейчас вторую очередь кормить будут, помяните с нами Беллу...

– Да, да, конечно... Извини, что на похоронах не был: меня в район вызывали. Кстати, как раз по этому делу.

– Что? Нашли тех уродов?

– Нашли. По номеру машины и твоему описанию. Так что теперь будет суд, и посадят этих субчиков надолго! Уж ты мне поверь!

– Быстро же их... Подождите, Сергей Иванович, как посадят? Почему только посадят? А расстрел? Их надо расстрелять! Это же звери – трое сорокалетних мужиков убили беззащитную восемнадцатилетнюю девчонку!

– Да, да, расстрелять! – К участковому и Стелле подошли стоящие поблизости и слышавшие их разговор родственники. – Мы требуем расстрелять гадов, убийц!..

– Подождите, граждане! – поднял руку Сергей Иванович. – Вы что, телевизор не смотрите? В нашей стране преступников давно не расстреливают. У нас мораторий на смертную казнь...

– Отменить мораторий к такой-то матери! – закричали люди.

– Так это же не от меня зависит, граждане! Я со своей стороны сделаю все, что могу, и обещаю вам: преступники понесут заслуженное наказание. Они сядут, и надолго сядут! Уже заведено дело, ведется следствие, потом будет суд... Вы все сможете прийти на этот суд и убедиться, что их посадили!..

* * *

Год спустя Стелла ехала в кабине «большегруза» и вспоминала этот разговор. «Они сядут, и надолго сядут!.. Вы все сможете прийти на этот суд и убедиться, что их посадили!..»

– ...Так что, нашли тех тварей, которые убили твою сестренку? – спросил пожилой степенный Василий, водитель, который со своим суетливым напарником Серегой регулярно заезжал к ним в кафе пообедать.

– Нашли, – нехотя ответила Стелла, сосредоточенно глядя вперед на дорогу.

– Хорошо, что нашли. И много им дали?

– Ничего не дали. Отпустили. Еще и извинились, – не удержалась Стелла от вздоха.

– Это как же так? – встрял в разговор молодой напарник Василия. – Нашли и отпустили? Так не бывает.

– Бывает, – снова вздохнула Стелла. – Те мужики оказались большими «шишками».

– Ну и что – «шишки»? Теперь что, можно девчонок убивать?! – продолжал возмущаться Серега.

– Таким все можно, – глубокомысленно изрек Василий. – Это вот ты, паря, кому-нибудь дашь в морду в запарке и сядешь на несколько лет. А такие и воровать могут вагонами, и людей убивать, – для них закона нет! Они – хозяева жизни! Они – над законом!

– Ну, дела! – продолжал возмущаться Серега. – Ну, страна!.. Ну, ёшь твою клёшь!

– Это не страна виновата, а правительство, – глубокомысленно изрек степенный Василий, – страна тут как раз ни при чем. А вот с правителями России всю жизнь не везло. Думаешь, если бы простой народ законы писал, то они были бы такими сволочными? Нет, паря, законы пишут богатые и для богатых, и пишут, заразы, так хитро, что на них самих они вроде как и не распространяются.

– Да, Стрелка, не повезло вам с матерью, что именно богатые дяханы Белку вашу грохнули! – вздохнул Серега. – Были бы такие работяги, как мы с Василием, гнить бы им сейчас в тюрьме.

Стелла молчала. Она и сама все это понимала, не маленькая. Этой весной ей исполнилось двадцать три. А Белле в июне было бы девятнадцать. Только теперь у нее совсем другой отчет. Вот на днях будет год... Год со дня смерти...

– А кафе, значит, вы с матерью продали?

Она покосилась на Василия.

– А зачем оно нам? Прибыль небольшая, а мороки много. Мать после смерти Белки долго не могла оправиться, так что кафе, считай, я одна и тянула. А когда весной завернула к нам одна семейка – жена-предприниматель да муж – владелец нескольких летних закусовых, – им почему-то наше кафе приглянулось, и они предложили нам его продать. Мы с мамкой посоветовались между собой, она только рукой махнула: «Делай что хочешь...»

– И за сколько вы им кафешку продали? Если не секрет, конечно.

– Недорого, нам лишь бы свое вернуть.

– И куда же Матрена-то подалась?

– К своей сестре, тете Вере в Сарафаново. Там хоть какая-никакая работа есть: там же ферма большая. Вот мать туда на ферму дояркой и устроилась. Тетка давно одна живет: муж у нее помер, а дети все в город сбежали. Теперь им с мамкой вдвоем не так скучно будет.

– А ты чего в город-то едешь? Хочешь там на работу устроиться?

Стелла сузила свои серые большие глаза.

– На работу, – сказала она таким тоном, что оба водителя повернули головы и посмотрели на попутчицу недоуменно.

– Чтобы в городе на работу устроиться, прописка нужна, – поучительно изрек Василий.

– У меня дядька в городе есть, папкин двоюродный брат, он обещал мне временную прописку. Я пока у него остановлюсь, а там видно будет...

Водилы привезли Стеллу к Центральному рынку. Прямо за ним поднималась в гору улица Верхняя, где жил ее дядя. Попрошавшись, они поехали к себе на автобазу, а девушка, подхватив дорожную сумку, направилась к дому родственника.

– Боюсь только, с работой будет сложно... Поскольку прописки у тебя нет.

Дядя Ваня отхлебнул из своего бокала и посмотрел на племянницу.

Стелла пила свой чай с пирожками, которые привезла с собой из дома, и молчала. Не могла же она вот так прямо сказать дяде, что приехала в город вовсе не за тем, чтобы найти здесь работу. О работе она сейчас думала меньше всего. Ей просто не терпелось разыскать тех, кто убил ее сестру, и посмотреть, как живут эти люди. Вернее, нелюди. Ей все-таки удалось выудить из участкового подробности смерти Беллы. Оказывается, сначала она была жестоко изнасилована двоими мужчинами, причем не только обычным, но, как говорят, и извращенным способом, при этом еще избита (на теле ее обнаружены множественные ссадины и гематомы), потом девушку душили руками, о чем свидетельствуют синяки на ее шее, и лишь потом преступники утопили уже бездыханное тело, привязав камень к ноге, чтобы не всплыло.

Когда закрыли дело, участковый Сергей Иванович приехал к Матрене и Стелле и, появившись, объяснил расстроенным женщинам, что те трое рыбаков на шикарном «Мицубиши Аут Лендере», оказались совершенно ни при чем. Они-де только привезли девушку на пруд, а она показала им это место. Да, от этого они не отказываются, но потом они взяли и передумали там рыбачить и уехали с этого пруда искать другое место, а Белла пошла пешком к дороге ловить попутку до Матрёнино. Еще участковый добавил, что все необходимые анализы у подозреваемых взяли, но какая-то там группа, кажется, ДНК, не совпала с той группой спермы, что была обнаружена в теле потерпевшей. Стелла во всем этом совершенно не разбиралась, но понимала одно: преступникам как-то удалось вывернуться. Рассказывая им с матерью о закрытии дела, Сергей Иванович отворачивал лицо, прятал от женщин глаза, немного запинаясь и вообще, по всему было видно, что ему до ужаса неловко. Врет, поняла Стелла, врет, хотя и краснеет. Откупились преступники, видать, сильно богатые, небось денег у них – куры не клюют. Машина вон какая! Как пить дать, откупились!..

– Сергей Иванович, я вам не верю! – крикнула она в сердцах. – Не пошла бы Белка одна по лесу к дороге попутку ловить. Да и они клялись мне, что привезут сестренку прямо к кафе, через пять минут привезут! Врут они все! Дайте мне самой с ними поговорить! Пусть они все это повторяют, глядя мне в глаза.

– Матвеева, ты соображаешь, что говоришь? – возмутился участковый. – Это я тебе вру, по-твоему?

– Дайте мне поговорить с ними!

– Да что толку-то? Их следователь допрашивал, у них анализы брали... Не совпадает группа, понимаешь ты?! А потом, есть свидетели, которые видели их в другом месте – в это

самое время, когда было совершено преступление... И еще, заметь: их было трое, а сестру твою изнасиловали двое. Если бы это были те рыбаки из города, они бы все трое ее того... А так что получается? Двое насиловали, а третий рыбу ловил?.. Нет, Стелла, не они это сделали. Ну, сама подумай, зачем им такое? Они – люди небедные и к тому же уважаемые, у них семьи – у двоих из троих... Нет, нет! Даже не думай, ее убили какие-то два отморозка, и это были совсем другие... Мы будем искать...

– Но почему, почему они не привезли ее домой, как обещали? Как они могли бросить девчонку в лесу одну?! Я им не верю! Слышите? И вам не верю! Я никому больше не верю!..

Стелла посмотрела на дядю.

– Дядь Вань, а ты куришь?

– Курю. А что? На балконе курю, а то Зинка, жена, ругается.

– Пойдем тогда, покурим...

– А ты что, тоже куришь, что ли? Стелла! Тебе мать ремня не даст?

– Поздно мне ремня давать, дядь Вань.

Они вдвоем стояли на балконе и курили. Стелла вертела в руках коробок спичек и смотрела во двор, где в песочнице и на качелях играли ребятишки, а бабушки сидели на лавочках.

– Дядь Вань, ты же в полиции работаешь, – сказала она тихо. – Можешь одну мою просьбу выполнить?

– В полиции, – усмехнулся Иван Семенович, – я водителем работаю, вожу полицейский наряд. Баранку крутить – вот моя работа.

– Но все-таки ты ведь знаешь кого-то из своих, из полицейских!

– И что? Ты толком говори, что тебе надо.

– Сведения надо раздобыть о кое-каких людях.

Иван Семенович внимательно посмотрел на племянницу.

– Это о каких же таких людях? – спросил он подозрительно.

– Я тебе покажу... У меня записаны фамилии и имена... Там, в сумке. Ты только узнай, кто они, где живут или работают. Хоть что-нибудь, дядь Вань, я тебя очень прошу!

– Да зачем тебе это?

– Ну, раз прошу, стало быть, надо... Нет, ты не думай, я ничего такого... Я хочу в суд на них подать, в верховный, в Москву. А то наши местные пинкертонеры боятся их трогать.

Мужчина задумчиво почесал затылок.

– Сведения, говоришь? Ладно, попробую. А может, тебе с работой помочь?

– Нет, с работой я сама решу. Ты только помоги мне снять квартиру, а лучше комнату, чтобы недорого было... А то я слышала, приезжих могут и кинуть с этим делом.

– С квартирой помогу, это даже не сомневайся. А то, если хочешь, у нас пока поживи, сын в армии, сама знаешь, комната его пустует...

– Нет, дядь Вань, у тебя жена больно ругаться любит. Я комнату сниму.

– А деньги-то есть?

– Есть, мы же кафе продали...

– Ну, гляди, дело твое. Только ты это... в гости-то все равно заходи.

– Буду заходить, дядь Вань, как не зайти?! Ты ведь мне не чужой.

Вечером пришла с работы тетя Зина.

– О! Родственница! В город, значит, решила перебраться? – едва ли не с порога спросила она.

– В город, – кивнула Стелла.

– Ты что же, жить у нас собираешься?

– Нет, не собираюсь. Я временно...

Дядя Ваня не вытерпел:

– Зин, перестань!

– А чего такого? Я только спросила...

На другой день дядя пришел с работы радостный. Стелла весь день убиралась по привычке в его доме: вытерла везде пыль, вымыла пол, натерла всю сантехнику. Потом наварила щей из того, что нашлось в холодильнике дяди, напекла в духовке пирожков – целый тазик. Пришедшая с работы тетя Зина только брезгливо сморщила нос и скривила губы:

– Фу, как жареным луком несет! Всю квартиру провоняла. А гари-то, гари! Потолки закоптишь! Ты не в избе...

Стелла шмыгнула в свою комнату, вернее, в комнату брата Женьки. Она предпочитала не связываться с Зинаидой: себе дороже. Женщина она скандальная, это все в родне знали, не в пример спокойному и умному Ивану.

Дядя пришел с работы позже.

– Стелла! Я насчет комнаты тебе договорился! – с порога крикнул он.

– Да ты что, дядь Вань?! – племянница выбежала ему навстречу. – Вот спасибо! И где она? В каком районе?

– В хорошем. От меня недалеко, и, главное, платить за нее не надо...

– Как это? – растерялась Стелла, смотря на дядю удивленно.

– А так. Комнату эту занимает один мой товарищ, но сейчас он в Германии, в командировке. Ему там еще месяца два быть, не меньше! Комната все равно пустует, а ты хоть будешь пыль вытирать да приглядывать за ней.

– А чего за ней приглядывать? Чай, не корова, в лес не уйдет... Подожди, дядь Вань, а если он приедет, этот твой товарищ, и будет ругаться, что его комнату заняли?

– Кто будет ругаться? Валька? – дядя вдруг рассмеялся. – Нет, Стелла, Валька ругаться не будет!

– Какая Валька? Дядь Вань, ты же сказал, что комната твоего товарища...

– Ну, да, мой товарищ, Валентин Павлович Задорин. Вот такой мужик! – дядя показал ей большой палец.

– Ах, Валентин Палыч!..

Поужинав щами с пирожками, дядя Ваня посадил Стеллу в свой издававший виды «Москвич», который каким-то еще чудом, тарахтя, как трактор, передвигал колеса, и повез в тот район города, где находился дом какого-то там Валентина Павловича. Стелла смотрела в окно и удивлялась тому, как изменился город. Она не была здесь года три, с тех пор, как мать купила кафе. Повсюду были стройки, город преображался. Открылось много новых магазинов – буквально на каждом шагу!

Дом, в который привез ее дядя, оказался очень даже ничего, впрочем, как и район – тихий, зеленый. Это была старая часть города, застроенная в основном трех- и четырехэтажными «сталинками». Дядя остановил машину перед желтым домом с облупившейся местами штукатуркой, забрал с заднего сиденья ее дорожную сумку.

– Вот здесь тебе и предоставили жилье...

Жалко, ей так хотелось снять комнату в высотном доме, кататься на лифте и смотреть на город с десятого, ну, по крайней мере, с девятого этажа. А эта квартира, как оказалось, находится на первом этаже в первом подъезде – квартира под номером «два». Широкая лестница в пять ступенек, и всего две двери на площадке. Дядя достал ключи.

В просторном коридоре с высоченным потолком было несколько дверей. Дядя подошел к той, что была второй от входа – деревянной, выкрашенной зеленой масляной краской.

– Если соседи будут чего спрашивать, скажи, что тебе Валентин разрешил, поняла?

– Поняла, – кивнула Стелла, заходя вслед за дядей в комнату.

– И телефон мой мобильный запиши на всякий случай.

– Сейчас блокнот достану, – кинулась девушка к сумке, – только ведь у меня мобильного нет...

– Как нет? – удивился дядя.

– Так и нет. А зачем он мне был нужен в деревне? Теперь-то, конечно, куплю.

Стелла достала записную книжку и аккуратно записала номер, который продиктовал ей дядя Ваня.

– Сегодня же купи телефон. И когда на работу будешь устраиваться, скажи, что прописка у тебя будет... скоро будет. Я тебя к себе пропишу, ты не сомневайся.

– А тетя тебе разрешит?

– Разрешит, куда денется!.. Ну все, давай обустраивайся тут. Удобства – в конце коридора, белая дверь.

– Найду.

– Да, идем, я тебе покажу на кухне стол Валентина, его шкафчик с посудой и конфорки. Учти: чужие занимать нельзя, а то соседи разорутся... И холодильник не забудь включить, а то Валентин выключает его, когда в командировки уезжает.

После ухода дяди Стелла с интересом огляделась. Рассматривать комнату при нем она постеснялась, вдруг дядя подумает, что ей что-то не нравится. А теперь она не спеша обошла большую светлую – в два высоченных окна – комнату, посидела на мягком удобном диване в клеточку, погладила рукой полированную поверхность стола, что стоял у окна. А ведь и вправду, тут повсюду пыль, вон и на подоконниках без единого цветочка, зато заваленных газетами и прочим хламом, и на серванте, в котором стояла кое-какая посуда, и на этажерке с разного рода причиндалами от крохотной настольной лампы-ночника до пепельницы. Последняя, кстати, может пригодиться. Стелла взяла ее с полочки – желтую, изящную из толстого стекла, выполненную в форме цветка, и поставила на подоконник. Потом открыла окно и достала из сумки сигареты. В пачке оставалось только две, значит, сейчас она покурит и сходит в магазин за сигаретами и продуктами. Щи с пирожками остались у дяди дома, так что еще придется и соображать что-то на ужин. А это значит, надо выходить на общую кухню, встречаться там с соседями, возможно, даже что-то им объяснять.

Стелла затушила докуренную сигарету, смяв ее в пепельнице-цветке и направилась к двери. Закрывать окно она не стала: было душно, а на окне все равно была толстая металлическая решетка, так что вряд ли кто-то сумеет залезть в комнату.

Глава 3

Дядя заехал на другой день после работы. Он принес ей гостинец – большую шоколадку, и они вдвоем попили чай за столом у окна.

– Я собственно к тебе вот чего зашел-то...

Дядя полез в нагрудный карман рубашки и достал лист бумаги, сложенный в несколько раз. Он положил его на стол, и Стелла взяла его и развернула. На нем печатным текстом было написано: «Соснянский Лев Соломонович, начальник кредитного отдела коммерческого банка «Экспресс-РТС-банк», улица Коммунистическая, 102. Хоботов Вадим Вадимович, владелец риэлтерской конторы, улица Орджоникидзе, 39. Геркало Виктор Геннадьевич, начальник отдела, комитет по имуществу, улица Пензенская, 61».

– Спасибо, дядь Вань. – Стелла свернула листок и убрала в карман халата.

– Так, значит, будешь подавать на них в верховный суд? – переспросил мужчина, прихлебывая чаек.

– Буду.

– Ну и правильно! Нельзя им спуска давать. Завтра они еще кого-нибудь убьют, если будут чувствовать свою безнаказанность.

– Дядь, а я телефон себе купила, – похвасталась Стелла, доставая из сумки мобильник и протягивая дяде. – Как тебе?

– Ничего модель! Симпатичная... Набери-ка мой номер!

Они поболтали немного, а через полчаса дядя засобирился уходить, и Стелла пошла проводить его, все равно ей надо было до магазина дойти. Вчерашний пирог, который она купила в отделе кулинарии специально, чтобы не готовить и меньше светиться перед соседями на кухне, был съеден.

Дядя Ваня сел в свой «Москвич», ожидавший его возле подъезда.

– Может, тебя подвезти в магазин?

– Не, лучше я пройдуся. А то сидела-сидела весь день дома, даже устала от безделья. Я ведь так не привыкла. Только одно и сделала, что за телефоном сходила.

– Ну, тогда давай!

Дядя Ваня уехал, а Стелла прошла до магазина, который находился в пяти минутах ходьбы от ее нового жилища.

Она гуляла по залу, выбирая такие продукты, чтобы опять не надо было готовить. Может, кабачковую икру купить? А что, пойдет. И булку белого. Намазать кусок икрой – вот тебе и ужин. Еще сыра можно взять. Пожалуй, еще и пачка печенья сгодится – чайку попить...

Вдруг она остолбенела. Ей даже показалось, что плиточный пол торгового зала качнулся у нее под ногами. Стелла увидела, как навстречу ей идет... Черт! Неужели это Андрей?! Ну да, это он. И хотя прошло почти четыре года, как они расстались, она сразу узнала его. Те же черные вихры, ну разве что немного покороче, чем были тогда. Те же черные глаза под прямыми соболиными бровями. Красавец! Смуглый, похожий на итальянца. Тогда, четыре года назад, он просто свел ее с ума одним своим взглядом.

Она стояла столбом и смотрела на Андрея, как полная дура, не в силах отвести глаз. Он шел ей навстречу, тоже собирая что-то с полок, пока, наконец, не дошел до нее практически вплотную. Только теперь он заметил свою бывшую возлюбленную и тоже замер. Это длилось, наверное, всего пару секунд – глаза в глаза, остановившееся дыхание, испуг и удивление – все разом... Потом на лице Андрея появилась наглая – иначе не скажешь – усмешка.

– Что, Стеллочка, все-таки нашла меня, да?

Она просто обалдела от такого неслыханного нахальства.

– Нашла? С чего ты взял, что я тебя вообще искала?

– А что, хочешь сказать, эта встреча – чистая случайность?

– Ты можешь не верить, но это и вправду так.

Андрей запрокинул голову и рассмеялся:

– Случайность? Что-то не верится, крошка, чтобы мы встретились здесь случайно. Ты же хотела меня вернуть тогда, или я не прав?

– Тогда хотела...

– А теперь, значит, нет?

Он вдруг стал ей неприятен. Вот так, неожиданно, сразу... Эта наглая усмешка, это нескрываемое презрение к ней и самоуверенность, с какими он с ней разговаривал. Красавчик, да... Но не более того! В ней вдруг поднялась старая обида на него, поднялась из глубины души и перекрыла ей дыхание. Стелла поняла, что начинает задыхаться от злости на этого типа. Она резко повернулась и пошла прочь – к выходу из магазина, на свежий воздух. Андрей догнал ее и схватил за локоть.

– Подожди, ты куда? Нашла меня, а теперь хочешь сбежать?

Она отдернула руку.

– Я говорю тебе правду: я тебя не искала!

– Да? А каким же макаром ты оказалась здесь, возле моего дома?

Она почувствовала, как ее брови поневоле поползли вверх. Возле его дома?

– Так ты что, живешь здесь?

– Ой, ой, а ты и не знала! Не умеешь врать, не берись!.. Ладно, пойдем выйдем, а то на нас уже люди смотрят.

Они, расплатившись, вышли из магазина, Андрей завел Стеллу за угол здания.

– Знаешь, подруга, что я хочу тебе сказать? Ты меня не вернешь, поняла? Если уж тогда тебе это не удалось, так теперь и подавно не удастся! Я тебе еще тогда сказал и сейчас повторю: я женат, у меня семья, и ты мне до фени!

– Ты мне тоже.

Стелла сама удивилась, как спокойно она это сказала. Нет, внутри у нее все клокотало и готово было взорваться, но внешне она была совершенно спокойна. Как мраморная статуя.

– То есть как? – опешил Андрей. – И ты не будешь устраивать сцены и рыдать?

Она отрицательно покачала головой.

– Подожди, а как же ты здесь оказалась?.. Ты же ко мне приехала?

– Успокойся, не к тебе. Просто... Я здесь теперь тоже живу. К сожалению. Нет, правда, знала бы, что и ты здесь живешь, не сняла бы тут квартиру. Но теперь поздно, – притворно вздохнула она, – я таких денег за нее отвалила!..

– Значит, уехала из своей глухоманной деревни?! Ясно. Ладно, топай себе. И учти: я тебя не знаю, ты меня тоже, поняла?

– А я вообще из понятливых.

Андрей круто повернулся и быстро скрылся за углом, а она еще какое-то время стояла на ватных ногах, чувствуя, что не в силах сделать ни шагу. И, только спустя пару минут или даже больше, наконец-то взяла себя в руки и поплелась к дому.

Она заварила чай покрепче и порезала хлеб. Потом открыла банку кабачковой икры. «Да, что-то я раскисла, – грустно подумала девушка, автоматически намазывая икру на кусок. – А Андрюша-то – подлец! Нет, он – не подлец даже, он – подонок, мразь! Правильно мать говорила, все они – уроды! Не зря она радовалась, что двух дочек родила». Если бы и Стелла могла рожать, она бы тоже родила дочек, именно дочек. Но тот аборт, сделанный подпольно четыре года назад, стоил ей потери радости материнства. Она специально не говорила Андрею, что беременна, тянула до того, когда срок будет большим. Чтобы уже нельзя было прерывать, чтобы он обязательно женился...

Какая же она была дура! Женился! Вышло все как раз наоборот. Он тогда не приезжал целую неделю. Потом заехал с грузом – срочным, скоропортящимся. Быстро чмокнул ее в щеку, сказал, что завернул всего на десять минут – повидаться.

– Завтра вечером еду назад, тогда заеду надолго... и это... все дела...

Он подмигнул ей многозначительно. Она покормила его картошкой «в мундире» прямо из чугунка и огурцами со своего огорода (кафе у них тогда еще не было). Пока он ел, не утерпела, рассказала, что ждет ребеночка и срок уже большой. Андрей сразу переменился в лице. Но сказал только одно:

– Завтра и поговорим, сейчас все равно некогда.

Он прыгнул в грузовик и уехал, а она стояла, смотрела вслед его машине и понимала одно: он не рад. Совсем. Ну, несколько!..

Андрей действительно заехал к ней на другой день; Стелла прыгнула к нему в машину, и они уехали в ближайший лесок. Там, лежа на траве под раскидистым кленом, они занимались любовью в последний раз. Потом он застегнул джинсы, сел, прислонившись спиной к дереву, и объявил ей, что очень жалеет, что с ней все так получилось, что он, вообще-то, женат, и уже давно, больше года, и жена его вот-вот должна родить. Стелла слушала, оглушенная, чувствуя, что целый мир рухнул сейчас в один миг, взорвался, провалился куда-то в тартарары...

– Почему же ты не сказал мне о жене сразу? – тихо спросила Стелла, едва сдерживая слезы, которые предательски подступили к глазам.

– Да я что, идиот, по-твоему? Кто же станет говорить о жене, когда...

Он вдруг осекся, но она и так все поняла. Когда нашлась такая дура, которая отдается, не зовя в ЗАГС, закончила она про себя его фразу. Жена – это жена, да еще беременная, может, ей и нельзя было в то время с мужем спать, а мужик – это в первую очередь самец, ему самку надо...

Она, помнится, только спросила:

– Что же мне теперь делать?

– Как что? Ты маленькая, что ли, не знаешь? К доктору иди...

– На учет вставать?

– Какой учет?! На аборт иди, пока не поздно!

– Так ведь в том-то и дело, что поздно! Тринадцать недель у меня, понимаешь?! Не возьмется теперь никто.

– Ну, это ты сама виновата, дотянула... Чего раньше-то молчала? Денег на это дело я тебе, конечно, дам, правда, немного... Сама понимаешь, нам сейчас пеленки-распашонки покупать надо, коляску там и все такое... Ну, так и быть, «штуку» я тебе выделю...

Он полез в карман, а она поднялась с земли и стояла на непослушных ногах. В голове у нее был какой-то гул, ей казалось, что она вот-вот упадет...

– Спасибо, Андрюша, какой ты, оказывается, щедрый!..

Девушка вдруг разрыдалась, да так сильно, что сама испугалась: а вдруг она умрет от горя? Вот прямо здесь... Он тоже испугался:

– Ну, ты чего? Подумаешь, делов! Сама, в конце концов, виновата: башку надо на плечах иметь...

А потом она тайком от матери взяла деньги, которые они копили на техникум (мать мечтала, что Стелла поступит в городе учиться на бухгалтера), и поехала в город к одной подруге, с которой училась вместе в интернате. Мать подруги работала в больнице...

Стелла достала пачку сигарет, закурила и выпустила струю в открытое окно. Она вдруг вспомнила тот осмотр у гинеколога, когда врач ахнула, посмотрев ее на кресле.

– Да у тебя, милая, уже полных тринадцать недель!

– Знаю...

– На таком сроке аборт делать нельзя!

– Знаю... Меня парень бросил...

Она разрыдалась прямо в кресле, и врачаха накапала ей какого-то успокоительного.

– Тебе восемнадцать-то есть?

– Скоро будет...

– Ой, господи! Что же вы, дуры, с собой делаете?!

А потом ночью ее позвали в операционную. Там была та врачаха и еще одна пожилая толстая тетка в зеленом фартуке. Ей сделали какой-то укол и положили на кресло. Она поплыла куда-то, смутно понимая, что происходит.

– Глаза не закрывать! – командовал кто-то у нее над ухом.

Поспать ей не дали. В пять утра врачаха разбудила ее и шепотом велела быстро мотать из больницы, куда глаза глядят. А главное, ей надо было забыть, что она здесь вообще была. Деньги у нее забрали еще перед операцией, и она вышла на дорогу, полусонная, с острой болью внизу живота и, шатаясь, поплелась к дороге ловить попутку до деревни...

Кровотечение продолжалось больше недели. Только когда Стеллу уже начало просто ветром качать, мать заподозрила неладное и подступила с расспросами. Пришлось наврать, что она застудилась, и у нее в первый раз пришли такие болезненные месячные. Мать заварила ей какой-то травы и велела пить несколько раз в день по столовой ложке. Через неделю кровотечение прекратилось.

Только спустя полгода, попав на осмотр к гинекологу (медкнижка была нужна для работы в кафе), Стелла узнала, что аборт ей сделали очень неудачно, и детей у нее теперь не будет. Она ехала домой и редела в автобусе, отвернувшись к окну и утирая слезы. А у Андрея ребеночек сейчас уже, наверное, ползает и хватает игрушки... А ее маленький никогда не будет ни ползать, ни ходить, потому что она его убила. Как и всех своих будущих детей...

Она смяла в пепельнице окурок и тут же достала другую сигарету. Сволочи! Все они сволочи! Вот почему Андрей женился не на ней, а на какой-то там девке? Чем она лучше нее, Стеллы? Может, она красивее? Или у нее родители богатые? Он должен, просто обязан был развестись со своей душой и жениться на ней!

Почему жена у Андрея дура, она не могла бы объяснить, просто чувствовала, что она, Стелла, лучше его жены. Во всем. Красивее, умнее и готовит просто супер! А та... Да если бы она была хорошей женой, муж не гулял бы от нее, это однозначно!

Словно желая доказать себе, что она лучше и красивее жены Андрея, Стелла стала делать всевозможные прически и заигрывать с обедавшими у них водителями. Те действительно обращали внимание на высокую видную деваху, и когда один из водителей пригласил ее в кабину своей машины – «поболтать, послушать музон, то да сё...», – она, тряхнув распущенными волосами, многозначительно подмигнула ему:

– А вот приду! Вечером, попозже. Только посуду перемою...

В этот вечер она действительно запрыгнула в его машину. Это было в конце зимы, было холодно, водитель (черт, как же его звали?) включил печку и дал ей бутылку красного:

– Выпьем, так веселее!..

Она сделала тогда несколько глотков, вскоре в голову ударило, и ей действительно стало ужасно весело. Она чувствовала, как водила без особых церемоний полез ей за пазуху, но ей было почти все равно. Ее занимала только одна мысль: как мы будем заниматься этим в кабине грузовика? Тут же тесно и так неудобно!

Насчет неудобно она угадала. Закончив свое дело, водила застегнул штаны и проворчал:

– Что-то ты какая-то неактивная...

Потом, вспомнив как будто что-то важное, спохватился:

– Слушай, а тебе восемнадцать-то есть?

– Не-а! – весело ответила Стелла, радуясь сама не зная чему.

– Как?! Ты что, серьезно?!

Он перепугался не на шутку, сунул ей в руку «пятихатку» и почти что вытолкнул из машины. Потом она долго не видела его в их кафе...

Она смяла в пепельнице второй окурок и отставила ее в сторону. «Я-то ладно, – подумала она, – все равно я – конченный человек. Но за что они убили Беллу? Им что, мало женщин, которые отдаются добровольно? Позвали бы меня с собой, я и взяла бы с них недорого, и им – удовольствие, и мне – заработок. А теперь придется грохнуть этих сволочей. Не спускать же им!»

Стелла достала листок, что дал ей дядя. «Соснянский Лев Соломонович, начальник кредитного отдела коммерческого банка «Экспресс-РТС-банк», улица Коммунистическая, 102». Ну что, начнем с этого уroda? Интересно, какой он из себя? Она прекрасно помнила лица всех троих, впрочем, нет, одного, того, кто сел почти сразу в машину, она помнила смутно. Но ничего! Разыщем красавчика и вспомним! И все ему припомним...

* * *

Утром, позавтракав и одевшись, Стелла достала из-под дивана сверток с деньгами. В день прибытия в эту квартиру она долго ходила с ним по комнате, ища, куда бы его спрятать, и, так и не придумав, засунула под диван. Сейчас, вынув из пачки несколько купюр, она собралась было положить сверток обратно под диван, но в последний момент передумала. Может, все-таки перепрятать деньги? Как-никак сумма солидная. Но куда перепрятать? Стелла огляделась. Пора идти, сколько можно стоять и думать? Махнув рукой, она не нашла ничего лучше, как сунуть сверток под кресло, которое стояло у второго окна. Подхватив сумку, в которую предварительно были положены бабушкины очки и платок, захваченные из дома, а также свои очки, солнечные, Стелла вышла из комнаты. Два поворота ключа, как учил дядя, и она уже сбегала по лестнице вниз.

На остановке девушка решила взять такси. Белая «девятка» с «шашечками» на крыше одиноко стояла у столба. Стелла подошла к водителю и заглянула в окно. За рулем скучал парень – веснушчатый, с рыжими вихрами.

– До банка на Коммунистической доедем? – спросила она.

– Если поедем, то обязательно доедем! – обрадовался водитель клиенту. – Прыгай!

Стелла села рядом с ним на пассажирское сиденье, и парень ударил по газам.

Через десять минут такси остановилось в центре города, возле высотного дома, на первом этаже которого располагался банк, магазин немецкой обуви, кафе и еще что-то. Водитель запросил сотку, и девушка, не раздумывая, достала новенькую купюру из кошелька.

– А ты назад скоро поедешь? – спросил рыжий. – А то могу подождать.

– Не надо! – Стелла захлопнула дверь машины и направилась к скверику, расположенному напротив банка.

При входе стоял киоск «Роспечати», а рядом – тележка с мороженым. Она купила и мороженое, и пестрый журнал для женщин и села на ближайшую лавочку так, чтобы вход в банк был у нее, как на ладони. Приготовившись ждать долго, девушка развернула журнал и сделала вид, что с интересом читает. Время тянулось до того медленно, что хотелось выть. Как же это настоящие шпионы сидят часами и следят за своими объектами? Стелла как-то видела в кино, как один разведчик просидел на чердаке дома четверо суток, следя за каким-то мужиком. Он не ел, пил только воду из пластиковой бутылки, мочился в углу этого же чердака и все время наблюдал за окнами в доме напротив. Нет, она бы так не смогла. Часа через два девушка поняла, что у нее зудит все тело. Стелла привыкла к подвижному образу жизни. Она рано вставала, – не в пример соне Белле – шла помогать матери в кафе, потом еще и дома кое-что делала: убиралась, стирала, кормила кур да еще и в огороде возилась. А теперь такая без-

деятельность ее просто убивала. Как они здесь вообще живут, эти городские?! На работу ходят к девяти, с работы приходят в шесть и все остальное время смотрят телек или посиживают в кафешках или барах.

Он появился в дверях в половине третьего. Вышел в костюме – и это несмотря на жару! В белоснежной рубашке с галстуком, в начищенных до блеска ботинках и с черным кожаным чемоданчиком в руке. Кажется, такие называются дипломатами. Стелла узнала его сразу – это тот широкоплечий брюнет, что был тогда в соломенной шляпе. К нему тут же подъехала шикарная машина, банкир сел в нее рядом с водителем, и они укатили в неизвестном направлении. Впрочем, для Стеллы все направления здесь, в этом городе, были неизвестные. Так, значит, это Соснянский Лев Соломонович. Богатый, холеный. На крутых тачках разъезжает. Что-то рановато он слинял с работы. А может, еще вернется, может, по делам отъехал? Решив ждать возвращения банкира, Стелла купила еще порцию мороженого. Потом еще одну...

Он вернулся примерно через час. Машина снова остановилась возле самого крыльца, Соснянский вышел из нее с дипломатом и походкой уверенного делового человека проследовал в здание банка. Значит, в половине третьего он еще не уезжает домой. А тогда во сколько уезжает?

Девушка прочитала весь журнал и теперь снова маялась от безделья, ожидая появления Соснянского. Люди приходили в скверик и уходили из него, насидевшись на лавочках и нагулявшись по асфальтированным дорожкам среди цветов и кустарников, а она все ждала, глядя исподлобья на подъезд банка.

В семь ровно Соснянский снова вышел из дверей. В этот раз он пошел пешком. Стелла встала со скамейки и отправилась следом за банкиром. Но шагать вдоль зданий ей пришлось недолго: Соснянский дошел до первой стоянки машин, приблизился к шикарному синему «Лексусу», сел в него и, поморгав фарами, выехал со стоянки через ворота. Еще он посигналил на прощание охраннику. Стелла, стоявшая буквально в пяти шагах от него, только проводила банкира взглядом.

Да, без транспорта ей, похоже, не обойтись. Соснянский ездит на машине, и пешком ей его не догнать. Значит, надо что-то придумать насчет автомобиля. Она смотрела вслед скрывшемуся в конце улицы «Лексусу» и прикидывала, как ей догнать его в следующий раз. Нанять такси? Но где его взять именно в тот момент, когда Соснянский изволит отправиться восвояси?

Девушка брела по улице в ту сторону, где был ее теперешний дом. Транспорт... Транспорт... Эх, если бы у нее была своя тачка! Хотя какая-нибудь старенькая. Да еще права... Может, попросить дядю помочь следить... Нет, нет! Только не это! Приплетать сюда дядю, работающего в полиции, нечего и думать. Во-первых, она и так обманула его, сказав, что будет подавать на убийц в верховный суд, но сделала это вынужденно. Он никогда не добыл бы для нее сведений с адресами этих уродов, если бы знал, для чего ей это. Дядя и так помог ей: кроме сведений, сделал временную прописку, и теперь она может начать искать работу. Значит, дядю пока трогать не будем, надо найти другой выход. Какой?

Девушка дошла до улицы, на которой был ее теперешний дом, и снова увидела на остановке такси. Та же белая «девятка» с оранжевыми «шашечками» на крыше, как и утром, одиноко стояла у столба. Стелла прошла было мимо, но тут внезапно одна мысль озарила ее. Остановившись, она заглянула в окно. Тот самый водитель, веснушчатый парень, со скучающим видом пялился на проходивших мимо пешеходов, высматривая среди них клиента.

– Привет! – сказала Стелла.

– О! – рыжий обрадовался так, словно встретил старую добрую знакомую. – Помню, помню, как же! Утром я отвозил тебя к банку на Коммунистической, верно?... Ну как, взяла кредит или что ты там вообще хотела?

– Кредит? – переспросила Стелла. – Я и не собиралась брать кредит, зачем он мне?! Я... у меня там другие дела... И не в банке вовсе. Я... там рядом... того... Одним словом, есть деловое предложение...

Веснушчатый прямо рот открыл от любопытства.

– Готов выслушать любое! Садись в машину, расскажешь, какое такое предложение. И учти: я готов на многое...

Стелла села на переднее пассажирское сиденье.

– Тебя как зовут? – весело спросил водитель.

– Наташа, – назвала она первое попавшееся имя.

– А я – Антон. Тоша. Меня здесь все знают, я уже два года таксую. И всегда на посту. Если кому куда срочно надо, – я, как пионер, всегда готов отвезти... Так какое у тебя предложение?

– Завтра в половине седьмого ты должен подъехать к тому самому банку, куда отвозил меня утром. Сможешь?

– А чего не смочь-то? Только ты уточни: утра или вечера?

– Зачем утра? Вечером, конечно! Я буду там, сама подойду к тебе и сяду в машину.

– И куда поедет, если не секрет? – весело спросил Антон.

– Вот завтра и скажу, куда.

– Да не вопрос. Буду как штык в полседьмого у твоего банка.

– Ну, тогда до завтра. – Стелла начала выходить из машины.

– Наташа, подожди. Возьми мою визитку. – Антон достал из нагрудного кармана белый квадратик из плотной вощенной бумаги и протянул девушке.

– Зачем? – не поняла она.

– Как зачем? – удивился Антон. – Там мой телефон. Вдруг я понадобится раньше, или ты захочешь отменить вызов? Позвонишь.

– А-а... Понятно. Спасибо.

Стелла положила визитку в сумку и махнула своему новому знакомому рукой:

– Давай! До завтра...

– Пока!

Она шла к дому и прикидывала, как завтра сядет в такси к Антону и будет следовать за машиной Соснянского. Она узнает, где живет этот урод и... А что «и»? Что будет потом?

Стелла зашла в комнату и бросила сумку на диван. Потом сходила, помыла руки и снова зашла в комнату. Переодевшись в халат, достала из холодильника масло и хлеб из хлебницы. Потом пошла на кухню поставить чайник на газ. На кухне сидел небритый мужик лет сорока – сорока пяти. Он был в майке, каких-то допотопных шароварах и шлепанцах на босу ногу. Мужчина курил, выпуская дым в открытое окно, и ждал, пока в его сковородке пожарится яичница с колбасой. Стелла поздоровалась с ним.

– А ты, вообще, кто такая? – поинтересовался небритый и посмотрел на Стеллу с подозрением.

– Я живу в комнате Валентина Павловича, он мне разрешил, – тут же выдала девушка, как учил дядя.

– Он ей разрешил! А соседей что, не надо спрашивать? Ты меня спроси, хочу я, чтобы ты тут жила, или не хочу!

Такого Стелла просто не ожидала и потому растерялась.

– Я не знала, что и соседей надо спрашивать.

– А как же! Мы тут тебе что, вместо мебели?

Только тут девушка почувствовала, что мужчина немного пьян и потому несет околесицу.

– Мы тут, между прочим, бдим! Да, бдим, потому как всякие-разные элементы нашего общества, так сказать, несознательные граждане, норовят заниматься такой деятельностью, которая подпадает под статью уголовного кодекса...

Он остановился, чтобы перевести дух и затануться.

– Хорошо, бдите, я вам мешать не буду.

Стелла быстро повернулась и ушла в свою комнату. В конце концов, дожидаться, когда закипит чайник, можно и здесь.

Когда чай был заварен и девушка принялась за бутерброд, ей вдруг вспомнилось, как сразу, как только участковый объявил им с матерью, что дело по убийству Беллы прекращено, ей приснился сон. До того она много дней не видела снов вообще.

А в ту ночь Стелла увидела во сне сестру. Она была почему-то маленькой, ей было не больше восьми лет. Она играла в куклы, заботливо укладывая их спать, и тихо пела колыбельную. Стелла вроде бы страшно удивилась: как же так? Ведь девочка умерла, ее похоронили! Как она может играть тут в куклы? Она спросила Беллу, как так получилось, что она, мертвая, вернулась к ним, да еще стала такой маленькой.

– Я не умерла, – ответила сестренка, – просто я теперь живу по-другому.

– Как по-другому? – опешила Стелла.

– А так: я могу быть там, где захочу, сразу, как только захочу. Я теперь все на свете знаю, я ничего не боюсь. Мне не бывает больно или холодно...

Стелла смотрела на сестренку и не верила своим ушам. А потом Белла сказала тихо, глядя Стелле прямо в глаза:

– Отомсти за меня, сестрица, ладно? Отомсти, заклинаю тебя! Мне было так больно! Они должны быть там же, где и я. Я их жду здесь... Очень жду...

Стелла испугалась и проснулась. Сначала ей было жутко, потому что такой сон она видела впервые, но потом она немного успокоилась. Девушка сидела на кровати и вспоминала Беллу – какой она была романтической натурой.

Белла даже Александра Блока читала. И даже кое-что знала наизусть. Помнится, однажды у них со Стеллой зашел разговор о снах – верить в них или нет, и девчонка тут же выдала:

Сны раздумий небывалых
Стерегут мой день.
Вот видений запоздалых
Пламенная тень.

Мать тогда услышала это и тоже начала рассказывать свой сон. Она, как любая крестьянка, свято верила в них. Бывало, соберутся все три женщины утром за чаем, а она и скажет:

– Я сегодня во сне свою мамашу-покойницу видела. Должно, к перемене погоды...

А, увидев во сне себя нарядную, в новом платье, всегда говорила:

– Все, теперь заболею. Нарядным кого во сне видеть – это к болезни...

И, поев на ночь жирной свининки, вставала утром с болью в правом боку и тянулась к аптечке за баралгином:

– Ну, что я говорила?! Вот, печень-зараза теперь тянет...

В сны Стелла не верила. Они у нее почему-то никогда не сбывались. И тогда, увидев сестру во сне ясно, как наяву, она не сказала себе, что это к дождю. Нет, это не к дождю, это к кое-чему посерьезнее. В тот день она встала, как зомби, умылась, оделась и пришла в кафе к матери. Они сели завтракать. Стелла еле-еле влила в себя стакан чая, больше ни к чему не притронулась. Одна мысль крутилась в ее голове и жгла, как огнем: Белла просит отомстить за нее. Отомстить...

Стелла до этого мстила много раз: мальчишкам в школе за то, что дергали за косы или толкали ее, а еще Белле за то, что она один раз взяла ее тушь для ресниц: просто съела в отместку порцию пирога Беллы, который мать испекла в день рождения старшей дочери, и еще

съела все шоколадные конфеты. Белла тогда проревела от обиды весь день, а Стелла ходила и радовалась: так тебе! Не трогай чужого! Поделом...

Но теперь ей предстояло отомстить по-настоящему. Эти большие во всех смыслах дяденьки не толкали девчонок и не брали чужую безделушку. Они убили девочку, почти ребенка, которая годилась им в дочери, убили жестоко, сначала поиздевавшись и помучив жертву. И здесь уже ничего невозможно было исправить. У Стеллы сжимались кулаки, когда она представляла, как нежную и мечтательную Беллу, которая была еще девственницей, насиловали, притом такими способами, на которые соглашается не каждая проститутка. И еще ее били, били по лицу, держали за руки, а она, очевидно, пыталась вырваться, потому что и на руках ее были синяки. Синея была и вся шея, и грудь...

«Убью! Сволочи! Мрази!...» – в который раз думала Стелла, забыв про остывающий чай.

Глава 4

На другое утро она снова отправилась к банку, в котором работал Соснянский, но на этот раз дошла до него пешком. Прodelав этот путь вчера вечером, только в обратном направлении, девушка поняла, что банк находится не так уж далеко от дома, в котором она жила. Значит, нечего тратиться на такси, тридцать минут ходьбы – еще и полезны. Девушка снова села в скверике на лавочку и просидела здесь весь день. Она ничего не пила и не ела, чтобы не бегать в туалет и не прозевать отъезд Соснянского. Он действительно отлучался один раз с работы, это было в обед. Через полтора часа он вернулся, зашел в свой роскошный банк, больше похожий на дворец падишаха, и до вечера не показывал носа.

«Откуда у людей такие деньги? – думала Стелла, рассматривая мраморные стены банка. – Это же какие деньжища надо сюда вбухать?! И для чего? Чтобы люди несли сюда свои деньги?» Сама бы она ни за что не стала брать в банке никакой кредит. Наслушавшись историй, как люди брали «лимон», а отдавали два, а кое-кто и терял квартиры, она дала себе зарок вообще не заходить в учреждения подобного рода. Эти истории рассказывал бывший хозяин их кафе, у которого они с матерью тогда работали. Он сам кредит брал только раз, но этого опыта хватило ему на всю жизнь.

– Я и взял-то всего двести тысяч, – рассказывал он Матрене и Стелле, – я тогда первый ларек открыл, и было это лет восемь назад. Выплачивал три года, а когда посчитал, сколько вернул банку, чуть не повесился! Вот, едрёна вошь, еврейская система! Взял двести тысяч – вернул больше трехсот! И главное, за что отдал чуть ли не в два раза больше? Проценты, плюс ведение счета... Проценты у них – грабительские, притом, когда брал кредит, проценты были одни, потом они мне их повысили... Ну, не гады?! А ведение счета?! Вы видели, как он осуществляется? Сидит в окошке девочка сопливая, три кнопки нажала на компьютере – вот вам ведение счета, плати! Получается так: я, предприниматель, работаю, пашу, как каторжный, чуть ли не по двадцать часов в сутки, а кто-то сидит в кожаном кресле в мраморном дворце и зарабатывает тем, что деньги в долг дает... Нет, больше я с банками не связываюсь! Дурних нема...

«Они потому и дворцы такие строят, и на тачках крутых ездят, что обдирают людей», – думала тогда Стелла, тоже давая себе зарок не связываться с банками. И сейчас, глядя на машину, в которой возили куда-то Соснянского, проникалась к нему еще большей ненавистью. Ишь, барин! Не может на своей машине доехать, везут его...

В половине седьмого возле банка остановилась белая «девятка» Антона. Стелла достала его визитку и набрала номер.

– Аллю?

– Антон, видишь скверик напротив банка? Поставь машину, где-нибудь поблизости и зайди в сквер. Я тебя здесь жду, – сказала она ему.

Такси отъехало от крыльца и остановилось у следующего дома. Вскоре молодой водитель показался на входе в сквер. Стелла окликнула его.

– Садись, посиди, – кивнула она на место рядом с собой.

– Посидеть? – растерялся Антон. – Нет, посидеть, конечно, можно, только я хочу предупредить...

Но Стелла его перебила.

– Знаю, у тебя счетчик тикает. Я заплачу за простой, не бойся.

Водитель повеселел.

– Ну, если так... А что, будем кого-то ждать?

– Будем, – кивнув, мрачно сказала Стелла.

Парень сел рядом с ней на лавочку. Девушка незаметно покосилась на дверь банка. Она специально усадила Антона так, чтобы вход в банк находился в поле ее зрения. От нечего делать водитель принялся весело болтать, чтобы скоротать время.

– А я сегодня друга на вокзале встречал. У меня друг на юге был. Загорел – как негр стал! Вот – сувенир мне привез...

Антон достал из кармана какую-то штуку в виде двух голубых дельфинчиков, смотрящих друг на друга

– Что это? – не поняла Стелла.

– Это? Магнит на холодильник. Ты что, никогда не видела?

– А зачем на холодильнике магнит?

– Как зачем? – подивился Антон такому странному, по его мнению, вопросу. – А записки писать? Вот живут, к примеру, муж и жена... Ну, или парень с девушкой. Она уходит утром на работу раньше него и пишет ему записку: «Кофе – в кофеварке, бутерброды – в микроволновке. Не забудь купить хлеба. Буду в шесть. Целую». И вот эту записку прижимает магнитом к дверке холодильника. Он встает утром, идет на кухню в поисках завтрака, а там...

– А он что, такой debil, что не знает, что кофе именно в кофеварке, а не в кастрюле? И не помнит свои обязанности покупать хлеб, что ему обязательно надо напоминать?

Антон удивился еще больше.

– Нет, ну ты как-то странно рассуждаешь... Про хлеб человек действительно может забыть, если очень занятой, а кофе... Это я вообще-то так просто сказал, для примера. Записки могут быть и иного рода: «Уехала к маме. Буду в девять. Ужинай без меня...»

Стелла покосилась на Антона. Все-таки странные они, эти городские. Записки на холодильники вешают, даже магнетики для этого покупают. И не жалко им тратить деньги на такую фигню?! А вот в комнате дядино друга нет на холодильнике никаких магнитов. Скорее всего, он не занимается такой ерундой, как сочинение записок по утрам.

В этот момент она заметила, как Соснянский вышел из банка и, как и вчера, зашагал к стоянке машин.

– Антон, нам пора.

Стелла встала. Парень тоже вскочил со скамейки.

– Куда едем?

– Сейчас узнаем.

Они сели в его «девятку» и, едва синий «Лексус» вырулил на дорогу, Стелла скомандовала:

– Давай за ним!

– За кем? – не понял Антон.

– За этой синей машиной!

– За «Лексусом»?

– Да откуда я знаю, «Лексус» это или что-то еще?! Давай за этой синей тачкой, и быстро! Смотри, не отстань!

– Да чтобы я отстал от какого-то там «Лексуса»! У меня машина – зверь!

Они поехали по улице за Соснянским. Впрочем, потерять его из вида было довольно сложно: был час пик, и плотный поток медленно движущихся машин удерживал их друг возле друга.

– Ты особо не прижимайся к нему, – сказала девушка Антону.

– А чего ты следишь за ним? Он тебе кто, муж? Хотя нет, на жену миллионера ты не похожа. Любовник?

– Ты что, офонарел? Какой он мне любовник?! Этот старый хрыч мне в отцы годится!

– Так именно такие и берут молоденьких в любовницы. И в жены, кстати, тоже. Так кто он тебе?

– Сосед по даче! – ляпнула Стелла первое, что пришло на ум.

– Да ладно, сосед! Тебя к его даче за версту не подпустят! У таких дачи, знаешь, где? Тебя и в дачный поселок-то не пустят...

– А чего ты выпрашиваешь? Твое дело баранку крутить! – огрызнулась Стелла.

– Просто интересно: зачем ты следишь за ним? Может, он, правда, твой любовник?

– А кто тебе сказал, что я за ним слежу? Мы с тобой просто едем себе... Мне как раз в ту сторону, что и этому дядьке.

– Ага, рассказывай!

«Черт! Какой любопытный этот рыжий», – подумала Стелла недовольно. Она с беспокойством посматривала на едущего впереди Соснянского. Но девушка напрасно волновалась: тот никуда не мог деться. Он ехал себе потихоньку в потоке машин. Только минут через двадцать им удалось свернуть на такую улицу, где машин было не так уж много. Соснянский вдруг прибавил газу, «Лексус» сделал ловкий маневр и обогнал впереди идущую машину. Антон ловко поворачивал руль и следовал за ним. «Молодец, не отстает», – подумала Стелла.

Они проехали еще пару светофоров, и тут она увидела, как банкир остановил свою машину возле здания, на первом этаже которого красовалась большая вывеска: «БАР. БИЛЬЯРДНАЯ». Соснянский скрылся за шикарными зеркальными дверями заведения, и Стелла сначала даже растерялась: а ей-то что делать? Но она тут же вспомнила, что готовилась к этому, что видела в одном фильме, как шпионы выслеживали какого-то человека. Она быстро достала из своей сумки солнечные очки, косынку и, глядя в зеркало заднего вида, повязала ее так, как повязывали раньше только в деревне: перехлестнула концы под подбородком и затянула на шее двумя узлами.

– Ничего себе! – восхитился Антон.

– Что, нравится? Жди меня здесь, я скоро... – строго сказала Стелла, вышла из машины и решительным шагом деловой женщины направилась к дверям бара.

В холле было прохладно, работал кондиционер. Здесь было несколько дверей. Над ними красовались таблички: «БАР», «БИЛЬЯРДНАЯ», «ТУАЛЕТЫ». И куда же направился это урод? Как угадать, что ему приспичило: поесть или, так сказать, совсем наоборот? А может, он поиграть захотел, погонять шарики? Стелла интуитивно шагнула к дверям бара. Человек после работы, значит, голодный. Пописать он мог и у себя в банке, туалеты там наверняка есть, а вот покушать...

Девушка не ошиблась: в небольшом, роскошном зале, заставленном столами, она отыскала глазами банкира. Тот сидел с каким-то мужиком, тоже одетым, как депутат, и оживленно о чем-то беседовал. Стелла увидела, как к мужчинам подошел официант. Она решительно шагнула к ближайшему свободному от них столику.

Довольно быстро к ней тоже подошел официант:

– Что будем заказывать?

Девушка немного растерялась: не ожидала, что придется заказывать так вот сразу.

– Кофе можно? – несмело спросила она. – И мороженое?

– Какое мороженое и какой кофе? – уточнил официант, вышколенный парень, больше похожий на дворецкого.

– На ваш вкус, – ответила Стелла, вспомнив, что где-то слышала эту фразу.

Официант удалился, а она немного повернула голову и покосилась в сторону Соснянского. Он сидел к ней боком и продолжал оживленно беседовать со своим приятелем. Ей ничего не было слышно, из их разговора до нее долетали лишь отдельные слова; Стелла чуть подалась в их сторону и напрягла слух, как только могла.

– ...Кредитная ставка... Инфляция... Без поручителей... Беспроцентный период... Применение тарифов... Система страхования вкладов...

Стелла не поняла ровным счетом ничего. Какой он, оказывается, умный, этот урод! Или просто пудрит мозги?

Ей принесли кофе и мороженое. Она взяла ложечку и принялась помешивать горячий напиток.

– ...Двадцать три миллиона, – донеслось до нее от столика, где сидел банкир.

Стелла чуть не поперхнулась своим кофе. Ничего себе! Вот это у них там суммы! Это куда же такие деньжищи пойдут?

– И как быстро вы планируете вернуть?.. – спросил тихо Соснянский.

Ого! Так это что же, тот приятель (или кто он там?) Соснянского хочет взять такие деньги в его банке? Вот это запросы у людей! Никак, коттедж себе решил построить. Но то, что девушка услышала дальше, повергло ее в еще больший шок.

– ...Не совсем законно... точнее, совсем не законно... с такой...

– А если кое-что поправить?.. Сколько это будет стоить?

– Тише! Прошу вас! Вы не представляете, как я рискую!..

– Лев Соломонович, я готов компенсировать ваш риск...

– Дайте салфетку.

– Простите, что?

– Салфетку дайте... Вот эта сумма...

Стелла видела, как Соснянский что-то быстро написал на бумажной салфетке и показал своему приятелю. Тот вскинул брови вверх и сказал что-то вроде: «Однако!»

– А вы как хотели, любезнейший?.. Вы представляете... Риск... своим местом... и если бы только местом!

Приятель Соснянского пролепетал что-то вроде: «Я должен подумать».

Стелла поняла, что мало что поняла из разговора банкира с этим лохматым мужиком в костюме, но одно было ей совершенно ясно: Лев Соломонович собирался сделать что-то незаконное. Надо будет спросить дядю, что он думает обо всем этом.

В это время веселой мелодией зазвонил мобильник в кармане Соснянского. Он достал его и поднес к уху:

– Да!.. Я задержался по делам... По работе... Не волнуйся, скоро буду... Что купить?.. А Маше ты не могла это поручить? За что мы платим домработнице такие деньги?.. Ну и что, поработала бы еще часок, ничего бы с ней не случилось! Или боишься, что она переломится?.. Ах, вот как! Хорошо, я куплю... Да, скоро буду... Да, да, я же обещал!..

Соснянский убрал телефон в карман. Он говорил громко, и Стелла слышала каждое его слово. Ничего себе! У него и домработница, оказывается, есть! Вот помещик! Эксплуататор несчастный.

Стелла почти допила свой кофе и теперь смаковала маленькими глоточками то, что осталось, чтобы не сидеть за пустым столом. Но вот Соснянский тоже допил свой кофе и поднялся из-за стола. Поблагодарив своего приятеля за угощение, он направился к выходу, а Стелле пришлось еще несколько секунд сидеть и делать вид, что она допивает ароматный напиток. И только когда банкир скрылся в дверях, она тоже встала и быстро направилась к выходу.

Они снова ехали по городу за синей машиной Соснянского, а тот сворачивал на какие-то улицы, норовил пролететь на желтый сигнал светофора, не уступал дорогу пешеходам.

– Вот козел! – кипятился Антон. – Как едет, а! Нет, ты смотри, как едет! Ну и козел!

Они приехали за Соснянским в какой-то супермаркет и почти полчаса ждали, пока тот выйдет наружу. Здесь было столько машин, что у Стеллы просто выпучились глаза.

– Что это? – спросила она Антона.

– Супергипермаркет! Здесь есть все: от иголки до надувных лодок, от одежды до обуви, включая продукты питания и спиртные напитки. Вообще-то очень удобно: затариваешься здесь по полной, по десяткам магазинов бегать не надо.

– Ага! И денег небось здесь пачками оставляют.

– Это уж само собой! Соблазнительно же: столько товара перед глазами! И то, и то хочется купить! Я сам сколько раз сюда приезжал с деньгами, а уезжал с кукишем в кармане. Потом зарок себе дал: в такие супермаркеты не ходить... Так и разоришься на фиг!

Но вот Соснянский вышел из магазина с фирменным пакетом в руках и сел в свою машину. Она развернулась и начала выезжать с территории супермаркета. Стелла с Антоном снова последовали за ней.

Вскоре банкир приехал в самый центр города, как сказал таксист, только в тихий центр, там, где мало машин и совсем нет поблизости трамваев. Он зарулил в металлические ворота, которые раскрылись перед ним, как по мановению волшебной палочки, ворота тут же за ним закрылись, и он скрылся во дворе роскошного высотного дома, новенького и чистенького, как на картинке. Антон остановил машину недалеко от ворот и вышел из нее.

– Ну что, мадам Штирлиц? Как будем проникать за забор этого дворца? Просто так нас туда не пустят, даже если очень попросим.

– Сама вижу, не маленькая, – огрызнулась Стелла, рассматривая из окна такси верхние этажи здания, те, что виднелись над деревьями.

Потом она тоже вышла из машины и сквозь металлические черные прутья забора посмотрела на двор, в котором стояло не менее полусотни машин.

– Они здесь, похоже, все с тачками, капиталисты хреновые! – угрюмо сказала она.

– В некоторых семьях еще и по две, а бывает, и по три: у папы, у мамы и у взрослого сына или там дочки... Да, Наташа, этот элитный домишко для особо богатеньких. Ворота автоматические, камеры кругом... Видишь?

Она посмотрела на забор, на козырьки подъездов. Да, здесь было много камер, а что это такое, она прекрасно знала: видела в кино. Запишут тебя на бесплатное видео, а в случае чего, потом быстренько найдут. Нет, о том, чтобы соваться в этот элитный двор, нечего было и думать. И хорошо, что Антон поставил машину не возле самих ворот, а поодаль.

– Ладно, поехали, – махнула она рукой и первая села в машину.

– Куда поехали-то? – уточнил Антон.

– На кудыкину гору!

Девушка вышла на своей остановке, предварительно расплатившись с водителем. Он остался доволен: сколько запросил, столько и дали, не торговались, не доказывали ему, что он жмот.

– Наташа, а еще куда-нибудь поедem? Ты только скажи, я в любое время, я всегда готов...

– Посмотрим, – неопределенно ответила девушка и, даже не попрощавшись, с угрюмым видом побрела к дому.

Она сбросила надоевшие за день босоножки, расшитые бусинами и стразами, переоделась в свой ситцевый халат. Поужинать бы надо, а то ее живот скоро прилипнет к спине. Стелла заглянула в холодильник. Если бы у нее была мышь, она бы повесилась в этом холодильнике. И почему она не подумала о продуктах, пока шла от машины Антона к дому? Досадую на себя за несообразительность, Стелла снова надела бриджи и майку, сунула шлепки, повесила сумку на плечо и вышла из квартиры.

В магазине она купила хлеб, сыр, масло, несколько йогуртов и крабовые палочки. Она никогда не пробовала, что это такое, а ей так хотелось. Прихватив еще бутылку холодного пива и две пачки сигарет, Стелла вернулась домой. Здесь, еще раз переодевшись, она пошла на кухню поставить чайник на плиту. На кухне снова сидел тот небритый мужик в огромной – не по размеру – майке. Он так же, как и вчера, курил, выпуская дым в открытое окно, и жарил в сковородке яичницу с колбасой.

– Слушай, ты, соседка! А ты проставиться не хочешь? – спросил он хриплым голосом. – А то, понимаешь, въехала в чужую квартиру и ходишь здесь, как будто ты ни при чем!

– Чего я должна сделать?

– Проставиться! Что, не знаешь, что это такое?

– Нет.

– Эх, деревня! Мать твою... Проставиться – это значит отметить с новыми соседями свое новоселье.

– Вы выпить, что ли, хотите? – догадалась Стелла.

– Ну, считай, что так.

– Так выпейте, я вам не запрещаю.

– Не запрещает она! Я у тебя разрешения и не спрашиваю, ты мне пузырек поставь.

– В честь какой радости? – возмутилась Стелла.

– В честь новоселья твоего, сказано же! Глухая, что ли? Порядочные люди завсегда ставят...

– Ща! Разбежалась! – рывкнула Стелла на соседа в безразмерной майке и, выключив чайник, удалилась в свою комнату.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.